

Юлия Правдина

ПРИНЦЕССА
ТЕНЕЙ

Юлия Правдина Принцесса Теней

<https://litres.ru/74211574>

Аннотация

Одни принцессы носят короны. Эта — предпочитает кинжалы. Элора — изгой в собственном королевстве, где её хрупкость считают слабостью. Сойдя с трона, она под чужим именем поступила в элитную Академию наездников на мантикорах — цитадель грубой силы, где её ждут лишь насмешки.

Но когда небо разрывают виверны с другой стороны Стены, а в самой Академии вскрывается заговор, именно её клинки и воля, закалённая в придворных интригах, становятся последним щитом на пути хаоса.

В книге вас ждет:
становление героини, ставшей изгоем
заговоры и интриги
тайны прошлого

ХЭ

История участвует в литмобе "Боевая героиня"

Добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять♥#

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	40
Глава 6	56
Глава 7	69
Глава 8	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1

Алион – мир, расколотый Стеной. Мир, где магия – редкий дар, почти проклятье. Она таилась не в заклинаниях, летящих с кончиков пальцев, а в горячей крови мантикор и тихом шепоте целительниц. Одни обретали силу через союз с крылатым зверем, другие рождались с даром врачевать раны и болезни плоти. Большинство же жили обычной жизнью, лишь поднимая глаза к небу, где решалась их судьба.

Холодное утреннее солнце Алиона цеплялось за зубчатые стены, отбрасывая длинные, тощие тени. Элора — а здесь, за стенами отчего замка, она взяла себе именно такое имя — стояла, запрокинув голову, и смотрела вверх. Вверх, туда, где высились острые шпили Академии «Гроза Небес».

Она не была похожа на место для учёбы. Это была крепость. Суровая, неприступная, вырубленная из темно-серого камня, который, казалось, впитал в себя все грозы мира. Стены вздымались к небу, словно отвесные скалы, а с их высоты свисали знамёна с вышитым золотом символом — мантикорой в прыжке, её скорпионий хвост был изогнут и готов к удару. Говорили, что фундамент Академии воздвигнут на костях первых наездников. Смотрела на это Элора и чувствовала не восторг, а холодный ком страха и решимости под рёбрами. Именно сюда она пришла. Или приползла, как могла бы сказать её тётка-интриганка.

Сойдя с трона. Нет, не так. Сбежав. Сбежав от шепота за спиной: «хрупкая», «болезненная», «бесполезная». Сбежав от отца, Верховного Канцлера, в чьих глазах она читала не гнев, а тягостную жалость. Сбежав от собственного тела, которое предавало её каждый раз, когда в замке появлялся маг-целитель для лечения раненого гвардейца или когда отец использовал свой артефакт для связи с советом. Тогда мир взрывался болью. Головная боль, раскалывающая череп. Тошнота, выворачивающая внутренности. А однажды, в детстве, от сильного всплеска магии рядом у неё пошла носом кровь, а на руке проступили тонкие, словно от удара хлыстом, красные полосы. Магическая хрупкость. Диагноз, звучащий как приговор. В мире Алиона, где высшая сила была связана с магическими существами, она была калекой.

Но здесь, перед воротами «Грозы Небес», её хрупкость была её тайной. А её оружием стала пара узких, отточенных до бритвенной остроты кинжалов, скрытых в складках дорожного плаща, и воля, закалённая годами молчаливого противостояния целому двору.

Испытания. О них ходили легенды. Каждый год — новые. Говорили, что с каждым разом они становились всё бесчеловечнее, потому что всё меньше мантикор соглашалось связать свою жизнь с человеком. Гордые, свирепые, исполненные древней магии, звери выбирали лишь бесстрашных, сильных духом, чья ярость гармонировала с их собственной. Элора лишь смутно догадывалась, что её ждёт. Страх грыз

её изнутри, но она вдохнула полной грудью запах холодного камня и пыли. Это был запах свободы. Или гибели.

Перед распахнутыми массивными воротами из черного дуба, окованными сталью, уже выстроилась очередь. Несмотря на ранний час, желающих попытать счастья набралось человек пятьдесят. Элора заняла место в хвосте, стараясь казаться меньше, незаметнее. Она окинула взглядом толпу. Девушек было мало. Четыре, от силы пять, и все они выглядели как потомственные воительницы: широкие плечи, уверенные позы, холодные глаза. Остальные — крепкие, рослые парни, многие в потёртых, но качественных кожаных доспехах, с мечами и секирами за спинами. Они перебрасывались громкими шутками, хлопали друг друга по плечам, их смех гремел, отскакивая от каменных стен.

Как только Элора встала в очередь, волна этого шума стала затихать. Она почувствовала на себе десятки взглядов: оценивающих, недоумевающих, насмешливых. Она была похожа на тростинку среди дубов — стройная, почти худощавая, в простом тёмно-сером плаще, с капюшоном, натянутым на темно-русые волосы. Её лицо, бледное от усталости и напряжения, казалось, могло разбиться от слишком громкого звука.

- Смотри-ка, Рогар, — раздался громкий, нарочито удивлённый голос прямо за её спиной. — Кажется, кто-то заблудился. Барышня, бал для изнеженных придворных леди — в другом конце города.

Элора не обернулась. Она знала этот тон. Знакомый, как вкус полыни.

- Может, она целительница? — вторил другой голос, более молодой и глумливый. — Пришла посмотреть, как мы будем разбиваться насмерть, чтобы потом попробовать собрать?

Нервный смешок пробежал по толпе.

- Целительницы носят зелёные шнуры на запястье, болван, — отозвался первый, которого, видимо, звали Рогар. — А на этой... да на неё и доспех-то не надеть. Сломается.

Элора сжала кулаки, скрытые за широкими рукавами плаща, чувствуя, как привычная волна жара стыда поднимается к щекам. Она заставила себя расслабиться. Они — просто шум. Фон. Как придворные сплетники. Их слова не могут тебя ранить, если ты не позволишь. Она сосредоточилась на ощущении холодного утра, на грубом камне под тонкой подошвой сапог, на цели, что пылала внутри, как уголь.

- Эй, ты! — Рогар, похоже, не собирался отставать. Он шагнул вперёд, теперь его тень упала на неё. Он был огромен, как медведь, с лицом, изуродованным старым шрамом. — Ты вообще понимаешь, куда пришла? Здесь не на швейные кружки записываются. Здесь ломают кости. Или тебя папаша прислал, чтобы ты нашла себе мужа покрепче?

Его наглый хохот подхватили несколько человек. Элора медленно, будто нехотя, повернула к нему голову. Она подняла глаза, но ей пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с его взглядом. В её глазах не было ни страха, ни вы-

зова. Только плоское, ледяное безразличие, которое она оттачивала годами в тронном зале отца.

- Я пришла, чтобы пройти испытания, — сказала она тихо, но чётко. Её голос, лишённый дрожи, прозвучал неожиданно звонко в наступившей тишине. — Как и вы. Разве правила запрещают девушкам участвовать?

Рогар фыркнул.

- Правила не запрещают. Но здравый смысл — да. Посмотри на себя! Первый же порыв ветра снесёт тебя с мантикоры, если, конечно, какая-нибудь безумная тварь вообще согласится на тебя посмотреть. Ты будешь мясом, девочка. Красивым, хрупким мясом.

- Тогда это будет моей проблемой, а не вашей, — парировала Элора, снова отворачиваясь. Внутри всё кипело от унижения, но лицо оставалось каменной маской. Выжить. Пройти. Доказать.

- Надменная мышь, — проворчал второй парень. — Ладно, Рогар, оставь. Всё равно она не пройдёт и первого круга.

Очередь двинулась. Элора шагала вперёд, чувствуя жгущие спину взгляды. Каждый шаг отдавался в висках тупым звоном. Но она шла. Под арку ворот, где нависала страшная решётка-герса, готовая в любой момент рухнуть и отсечь путь к отступлению. Воздух внутри стал ещё холоднее, пахнущим сыростью, потом и металлом.

Наконец, она оказалась перед столом, где сидел молодой, усталый на вид курсант с гусиным пером в руке. Он даже не

взглянул на неё, уткнувшись в пергаментный свиток.

- Имя?

- Элора, — выдохнула она. Голос не подвёл.

- Фамилия?

- Просто Элора. Из Ольховых хуторов. — Заранее придуманная легенда слетела с губ легко.

Курсант наконец поднял глаза, мельком окинул её с головы до ног. В его взгляде не было насмешки, только глубокая, профессиональная усталость и тень сожаления.

- Ладно. Проходи. Двор Испытаний, прямо по главной дороге. Удачи, — он махнул рукой, и его тон ясно дал понять: «Тебе она понадобится».

Элора кивнула и переступила порог.

Массивные ворота с глухим стуком захлопнулись за её спиной, окончательно отрезав путь назад. Звук эхом прокатился по каменному мешку узкого прохода. Она не обернулась. Она сделала шаг вперёд, затем другой, выходя из тени прохода на открытое пространство.

Перед ней расстился Двор Испытаний — огромная, вымощенная булыжником площадь, окружённая с трёх сторон неприступными стенами Академии, а с четвёртой упиравшаяся в обрыв, за которым синела бескрайняя даль. Но не вид захватил её дух.

Её накрыла волна. Не звука, не запаха. А ощущения. Смутного, давящего, болезненного фонового гула. Магия. Здесь её было много. Не та, что причиняла ей острую боль

(пока что). Это было тяжёлое, живое присутствие множества мантикор, спящих где-то в глубине скалы и в питомниках под землёй. Их дремлющая мощь вибрировала в воздухе, заставляя кожу на её запястьях покрываться мурашками, а в висках заводиться тупой, знакомой болью.

Элора замерла, сделав произвольный, глубокий вдох. Страх сжал горло.

«Я не выдержу. Как я могу связаться с одним из них, если мне плохо уже сейчас?»

Но затем она выдохнула. Боль была терпимой. Фоновой. Она выжила при дворе, полном скрытых угроз. Переживёт и это. Она должна.

Элора подняла глаза от булыжников под ногами к небу над Академией. Где-то высоко, почти на уровне облаков, она увидела их. Два силуэта, описывающие плавные круги. Наздник и мантикора. Единство движения было настолько совершенным, что нельзя было понять, где кончается человек и начинается зверь. Они были грацией, мощью и свободой.

И в этот момент, несмотря на страх, несмотря на боль, несмотря на насмешки, в груди Элоры вспыхнуло нечто новое. Не жалость к себе. Не сомнение. А жгучая, всепоглощающая жажда. Жажда подняться туда. К ним. Стать частью этого танца.

Она расправила плечи, сбросила капюшон, и первый луч солнца, пробившийся сквозь облака, упал на её волосы.

Испытания начинались. И она, принцесса Элеонора, став-

шая Элорой, была готова победить... или умереть.

История выходит в рамках литмоба "Боевая героиня"
<https://litnet.com/shrt/hFFJ>

Глава 2

Солнце поднялось выше, но Двор Испытаний оставался холодным. Камень под ногами хранил ночной мороз, а резкий ветер с обрыва пробирал до костей, заставляя самых легко одетых абитуриентов поёживаться. Элора стояла среди пятидесяти других претендентов, стараясь не выделяться, но её худощавая фигура и бледность всё равно привлекали взгляды.

Она изучала пространство. Площадь оказалась больше, чем казалось из прохода. Слева возвышалась казарменная стена с узкими, как бойницы, окнами. Справа — скала, в которой были вырублены входы в пещеры, закрытые железными решётками. Оттуда и исходил тот тяжёлый, животный гул магии — питомники мантикор. Прямо перед ними, у самого обрыва, стояла каменная платформа, а на ней — трое.

Двое из них были старшекурсниками, судя по их осанке и простым, но качественным мундирам тёмно-синего цвета со знаком мантикоры на левом плече. Мужчина и женщина. У мужчины на щеке был свежий шрам, ещё розовый, а женщина держалась с холодной, почти хищной грацией. Но все взгляды притягивал третий — мужчина лет сорока, с сединой на висках и лицом, которое казалось высеченным из того же камня, что и стены Академии. На его мундире, кроме знака, была тонкая серебряная вышивка по воротнике —

знак инструктора.

- Тишина! — его голос не был громким, но прорезал воздух, как клинок. Все разговоры смолкли мгновенно. Даже ветер, казалось, притих.

- Я — инструктор Келан, — представился седовласый. Его глаза, серые и бездонные, как небо перед бурей, медленно обводили толпу. — Это — Академия «Гроза Небес». За её стенами осталось всё, что вы знали: имена, титулы, прошлые жизни. Здесь вы — никто. По крайней мере, пока не докажете, что вы — кто-то.

Он сделал паузу, давая словам проникнуть в сознание.

- Перед вами четыре испытания. Они не проверяют силу ваших мышц. Они проверяют силу вашего духа, вашу волю, вашу способность не сломаться. Мантикоры — древние и гордые существа. Они не свяжут свою жизнь со слабыми. Они выбирают по готовности сражаться, пока в груди бьётся сердце.

Келан указал рукой в сторону двух старшекурсников.

- Кадет Верин и кадет Сильна будут наблюдать. Они проходили этот путь три года назад, и они выжили. Ваша задача — сделать то же самое. Первое испытание начинается сейчас. Следуйте за кадетом Веринем.

Мужчина-старшекурсник, Верин, кивнул и, не говоря ни слова, развернулся и зашагал к одной из пещер в скале. Толпа, немного поторапливаясь, двинулась за ним. Элора пропустила вперёд несколько человек, стараясь идти в середине

группы. Рогар и его приятель прошли мимо, бросив на неё презрительный взгляд.

- Первое испытание — для разминки, — процедил Рогар так, чтобы она слышала. — Посмотрим, как ты вспотеешь, мышка.

Пещера оказалась неглубокой, но высокой. Внутри царил полумрак, пахло сырой землёй и чем-то ещё — терпким, животным. Посередине, на каменном полу, лежали груды... камней. Не простых, а черных, отполированных до блеска, размером с человеческую голову. Их было ровно столько, сколько абитуриентов.

- Первое испытание, — объявил Верин, его голос эхом отразился от стен. — «Камень предков». Каждый берёт один камень. Вы несёте его по маршруту, который я покажу. Кто его уронит — выбывает. Кто поставит на землю, чтобы отдохнуть — выбывает. Кто отстанет от группы больше чем на пятьдесят шагов — выбывает. Всё просто.

В толпе пробежал нервный смешок. Выглядело легко. Камни были большими, но поднять их мог любой крепкий мужчина. Элора почувствовала, как живот сжался от тревоги. Для неё это было не так просто.

Подошла её очередь. Она наклонилась, обхватила камень. Он был холодным и неожиданно тяжёлым — не столько из-за веса, сколько из-за плотности. Магический камень? Или просто особой породы? Она напрягла все силы, подняла его, прижала к груди. Боль ударила в поясницу, но она стиснула

зубы. Просто нести. Шаг за шагом.

Верин повёл их обратно на Двор Испытаний, но не к центру, а вдоль стены, к дальнему, самому неприступному углу крепости, где начиналась крутая, вырубленная в скале лестница, ведущая на стену.

- Вверх, — коротко бросил Верин.

Толпа замерла. Лестница была крутой, ступени — узкими и неровными, местами разбитыми. Нести камень по ней...

- Да ладно, это же смешно! — кто-то крикнул сзади, но голос звучал неуверенно.

Первые претенденты начали подниматься. Элора видела, как напрягаются их спины, как они перехватывают камень, как их дыхание становится тяжелее. Она заняла место в хвосте, понимая, что ей нужно экономить силы. Когда подошла её очередь, она глубоко вдохнула.

Первую ступеньку она преодолела, чувствуя, как камень давит на грудь, затрудняя дыхание. Вторая. Третья. Её ноги дрожали от непривычной нагрузки. В голове застучал знакомый, тонкий звон — предвестник боли, но пока терпимый. Она сосредоточилась на ступенях. Только на них. Не на том, как Рогар, идущий перед ней, с лёгкостью несёт свой камень, перекидывая его с руки на руку. Не на том, как одна из девушек впереди уже тяжело дышала.

Она считала ступени. Десять. Двадцать. Тридцать. Её руки онемели от холода и напряжения. Она попыталась перехватить камень, и он съехал на миллиметр, едва не выскольз-

нув из рук. Сердце упало в пятки. Она замерла, прижав камень к себе со всей силой, чувствуя, как её ногти впиваются в гладкую поверхность. Не уронить. Не уронить.

- Эй, мышка, застряла? — донёсся сверху голос Рогара. Он уже был на площадке наверху и смотрел вниз.

Элора не ответила. Она сделала ещё шаг. И ещё. Пот липкой плёнкой выступил на лбу, несмотря на холод. Дыхание стало прерывистым. Казалось, камень становится тяжелее с каждой ступенькой.

И тут она поняла. Это была не проверка силы. Это была проверка упрямства. Воли. Способности терпеть дискомфорт и боль, не сдаваясь. Она вспомнила бесконечные часы при дворе, когда приходилось стоять с невозмутимым лицом, пока ныли ноги, а голова раскалывалась от болтовни и скрытой магии. Это было то же самое. Просто боль была физической.

Она нашла ритм. Медленный, неуклонный. Шаг. Пауза. Перехват. Шаг. Она перестала смотреть наверх. Только на следующую ступень. И на следующую.

Когда она наконец поднялась на стену, её ноги подкосились. Она едва удержалась, не уронив камень. Площадка наверху была узкой, ветер тут гулял вовсю, срывая с губ дыхание. Верин стоял, прислонившись к бойнице, и смотрел, как последние претенденты заканчивают подъём. Двое уже выбыли — один уронил камень, и тот с грохотом покатился вниз, другой просто не смог подняться и сошёл с дистанции,

поставив свой камень на ступеньку.

- Отдыхать некогда, — холодно сказал Верин. — Дальше. Маршрут вёл по стене, потом вниз по другой лестнице, через внутренний дворик кухни, где на них с любопытством смотрели повара, снова вверх по полуразрушенной башенке, и, наконец, обратно на Двор Испытаний, к тому же месту, откуда они начали. Последние сто шагов Элора прошла как в тумане, её сознание сузилось до одной цели: донести этот чёрный, проклятый камень.

Когда Верин наконец сказал: «Ставьте», она едва разжала одеревеневшие пальцы. Камень с глухим стуком упал на землю. Элора прислонилась к холодной стене, закрыв глаза, чувствуя, как дрожь пробегает по всему телу. Руки горели, на ладонях проступили кровавые мозоли, содранные гладким камнем. Но она сделала это.

- Первое испытание пройдено сорока восемью претендентами, — объявил Верин. — Двое выбыли. Отдых — десять минут. Затем второе испытание.

Десять минут. Элора медленно сползла по стене, села на холодные камни, стараясь отдышаться. Она смотрела на свои руки. Хрупкие, изящные, но теперь покрытые ссадинами. Она мысленно поблагодарила свои долгие, изнурительные тренировки в тире замка — они хоть немного подготовили её мышцы.

- Ну что, мышка, жива? — Рогар присел рядом на корточки, его лицо было раскрасневшимся от напряжения, но он

дышал ровно. — Удивительно. Думал, ты сдохнешь на первой лестнице.

- Оставь её, Рогар, — сказала девушка-воительница, сидевшая неподалёку. Она вытирала пот со лба. — Она прошла. Чего тебе надо?

- Просто интересно, Лира, — Рогар усмехнулся. — Как такая тростинка собирается связаться с мантикорой? Они почувствуют её страх за версту.

- Может, они почуют что-то ещё, — тихо сказала Элора, не открывая глаз.

- Например? — Рогар фыркнул.

- Упрямство, — отрезала она и встала, отряхивая плащ. Боль в пояснице была острой, но терпимой. Она отошла в сторону, к бочке с водой, зачерпнула привязанным ковшом и сделала несколько глотков. Вода была ледяной и самой вкусной на свете.

Дорогие читатели, приглашаю вас в еще одну историю нашего литмоба

"Пиковый орден. Слепая Вера" (16+) от Жени Сталберг
<https://litnet.com/shrt/ujNr>

Глава 3

- Второе испытание, — сказал Верин. — «Тени на стене». Следуйте за кадетом Сильной.

Женщина-старшекурсница, молчаливая и хищная, кивнула и повела их не к пещерам, а к главному зданию Академии — огромному, мрачному строению, которое все называли Гротом. Внутри было ещё холоднее, чем на улице. Они прошли по длинному коридору, освещённому редкими факелами, миновали закрытые двери, откуда доносились звуки тренировок — лязг металла, крики, глухие удары.

Сильна остановилась перед массивной дверью из черного дерева. На ней не было ни ручки, ни замочной скважины.

- Внутри — лабиринт, — сказала она впервые. Её голос был низким, хрипловатым. — Ваша задача — найти выход. На это у вас один час. Лабиринт таит в себе разные опасности. Те, кто не найдёт выход за час, будут считаться выбывшими. Те, кто сойдёт с ума... — она усмехнулась, и в её улыбке не было ничего доброго, — о них позаботятся. Но место в Академии они потеряют. Входите по одному, с интервалом в пять минут.

Она прикоснулась к двери, и та бесшумно отъехала в сторону, открыв чёрный провал. Первый претендент, здоровенный парень, неуверенно шагнул внутрь. Дверь закрылась.

Тишина повисла в коридоре. Пять минут тянулись мучи-

тельно долго. Потом вошла следующая претендентка на место в Академии. Элора оказалась в середине списка. Когда подошла её очередь, она уже успела заметить кое-что: те, кто выходил — а вышли пока не все, — выглядели... другими. Кто-то был бледен как смерть, кто-то тряся мелкой дрожью, один парень вышел и сразу же склонился над дренажной решёткой в полу, извергая остатки завтрака.

Что они там увидели?

- Твоя очередь, — сказала Сильна, указывая на дверь.

Элора шагнула в темноту.

Дверь закрылась за ней, и тьма стала абсолютной. Не было ни факелов, ни окон. Только тишина, густая, как смола. Она замерла, давая глазам привыкнуть, но ничего не происходило. Не было ни одного смутного силуэта, как это бывает, когда свыкаешься с темнотой, привыкаешь к ней. А здесь... ничего. Полная слепота.

Она сделала шаг вперёд, вытянув руки. Пальцы наткнулись на шероховатую каменную стену. Она стала двигаться вдоль неё, шаг за шагом, стараясь дышать ровно. Через несколько метров стена повернула, и Элора шагнула за поворот.

И тут тьма ожила.

Сначала это был шёпот. Едва различимый, будто десятки голосов говорили одновременно за её спиной. Она обернулась, но там была только тьма. Шёпот стал громче. Она различила слова: «Недостойна... слабая... сломается... отец

разочарован...»

Голоса были знакомыми. Голос тётки. Голос придворного лекаря, который ставил диагноз. Голос отца, полный усталой жалости.

«Зачем ты здесь, Элеонора? Ты опозоришь нас всех. Ты умрёшь, и твоя смерть будет жалкой и бессмысленной».

Элора сжала кулаки. Это было нереально. Галлюцинация. Лабиринт играл с её разумом, вытаскивая наружу самые глубокие страхи. Она попыталась идти дальше, но голоса преследовали её, нарастая, сливаясь в оглушительный гул упрёков и насмешек.

А потом появились тени.

На стенах, которых она не видела, но чувствовала рядом, заплясали силуэты. Искажённые, гротескные. Тень с короной, которая ломалась и падала. Тень мантикоры, которая отворачивалась от неё с презрительным рыком. Тень её самой, маленькой и беспомощной, плачущей в темноте.

Боль в висках усилилась. Магия. Здесь использовалась мощная, направленная магия иллюзий. И её тело отзывалось на неё острой, знакомой болью. Тошнота подкатила к горлу. Она прислонилась к стене, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

Но сдаваться было нельзя. Она заставила себя выпрямиться. Закрыла глаза, хотя в полной темноте это не имело значения, и сосредоточилась на чём-то реальном. На ощущении холодного камня под ладонью. На биении собственного серд-

ца, быстрого, но ровного. На памяти о том, почему она здесь. Не для того, чтобы доказать что-то насмешникам. А для себя. Для той части себя, которая отказывалась быть жертвой.

Она открыла глаза и посмотрела прямо на танцующие тени.

- Я вас не боюсь, — прошептала она. — Вы — просто эхо моих мыслей и страхов.

И она пошла навстречу теням. Через стену страха. Через боль, которая теперь горела в её черепе ярким, белым пламенем. Она не пыталась заглушить голоса — это было бесполезно. Она просто шла мимо них, как шла мимо придворных сплетников. Шаг за шагом. Поворот за поворотом.

Лабиринт менялся. Иногда голоса стихали, сменяясь абсолютной тишиной, которая давила хуже криков. Иногда тени принимали формы монстров, бросавшихся на неё, и она инстинктивно отшатывалась, натываясь на стены. Один раз она наткнулась на другого претендента — парня, который сидел на корточках, обхватив голову руками и беззвучно рыдая. Она хотела помочь, но он отшатнулся, закричав: «Отстань! Ты тоже призрак!»

Она оставила его. У неё не было времени.

Боль становилась невыносимой. В глазах поплыли красные круги. Она чувствовала, как из носа потекла тёплая струйка крови. Знакомая реакция. Магия лабиринта была слишком сильна. Она уронила голову, продолжая идти, оставляя на стене кровавый след от пальцев.

И тогда, в самый отчаянный момент, она вспомнила о другом. Не о страхе, а о тишине. О том чувстве полного контроля и покоя, которое охватывало её в тире, когда в руках были кинжалы, а мир сужался до одной цели. Она представила себя там. Холодная сталь в ладонях. Точность движений. Полное отсутствие страха, потому что страх был роскошью, которую она не могла себе позволить.

Она вошла в это состояние. Шаги стали увереннее. Дыхание выровнялось. Боль осталась, но отодвинулась на задний план, превратившись в фоновый шум, как и голоса. Она больше не реагировала на тени. Она искала путь.

И нашла его. Как? Кто-то назовёт это чутьём, интуицией или просто отчаянным желанием выжить. Не важно.

Она свернула в узкий проход и увидела впереди слабый полосу света. Дверь. Она почти побежала, спотыкаясь о неровности пола, и вытолкнула её.

Яркий дневной свет ударил в глаза, заставив её зажмуриться. Она стояла на том же Дворе Испытаний. Рядом с ней выходили другие претенденты — кто побледневший, кто в слезах, кто с безумным блеском в глазах.

Сильна стояла рядом, отмечая что-то на восковом планшете. Она подняла глаза на Элору, и в её холодном взгляде промелькнуло что-то вроде уважения. Или просто любопытства.

- Лицо, — коротко сказала Сильна, кивнув.

Элора поднесла руку к носу. Пальцы испачкались в крови.

Она быстро вытерла лицо рукавом плаща, стараясь не привлекать внимания. Кровь шла не сильно, но вид был, конечно, пугающий.

- Мышка, да ты истекаешь кровью! — услышала она знакомый голос. Рогар вышел следом за ней. Он выглядел потрепанным, но целым. — Что, призраки прошлого тебя побили?

Элора проигнорировала его. Она отошла в сторону, прислонилась к стене и закрыла глаза, пытаясь унять дрожь в коленях и пульсирующую боль в голове. Она прошла. Второе испытание.

Через некоторое время Верин вышел к ним и начал зачитывать результаты.

- Второе испытание пройдено тридцатью девятью претендентами. Девять выбыли. Следующее испытание будет после полудня.

Тридцать девять из пятидесяти. Элора открыла глаза и посмотрела на оставшихся. Они выглядела измотанными, но решительными. Она была среди них. Она всё ещё в игре.

Элора откинула голову назад и посмотрела на небо. Где-то там снова парила мантикора со своим наездником. Всё ближе. Всё реальнее.

Но сначала нужно было пережить ещё два испытания. А её тело уже кричало от боли, а разум был истощён битвой с теньями. Она сделала глубокий вдох.

«Я выжила при дворе. Переживу и это.»

Но в глубине души шевелился холодный червячок сомнения: сколько ещё её хрупкая оболочка сможет выдерживать натиск этого мира, полного магии и испытаний?

Дорогие читатели, приглашаю вас в следующую историю литмоба от Марии Кокоревой "Я иду за тобой" (16+) https://litnet.com/shrt/_Lo9

Глава 4

Полуденное солнце Алиона стояло в зените, но не грело. Холодный ветер с обрыва пронизывал до костей, заставляя оставшихся тридцать девять претендентов ёжиться в своих плащах и куртках. Элора сидела на краю каменного водостока, брызгая ледяной водой на лицо, пытаясь смыть остатки запёкшейся крови под носом и унять пульсирующую головную боль. Она чувствовала себя выжатой, как тряпка. Тело ныло после испытания с камнем, разум был измотан битвой с иллюзиями в лабиринте. А впереди было ещё два испытания. И каждое, как она понимала, будет опаснее и тяжелее предыдущего.

Она наблюдала за другими. Рогар и его приятель, парень по имени Бренн, делились скудным пайком — сухой лепёшкой и копчёным мясом. Девушка-воительница, которую звали Лира, методично проверяла крепления на своих наручах. Некоторые претенденты молились, шепча имена богов или предков. Один парень, совсем молодой, лет шестнадцати, сидел в углу, обхватив колени, и тихо плакал.

Инструктор Келан снова появился на каменной платформе у обрыва, но на этот раз с ним были не только Верин и Сильна, но и еще двое других старшекурсников. Все они смотрели на претендентов не как на будущих товарищей, а как на материал, который предстоит проверить на проч-

ность. Или отбраковать.

- Подходите, — голос Келана по-прежнему резал воздух без повышения тона.

Все собрались полукругом. Элора старалась держаться на втором ряду, чтобы не привлекать лишнего внимания.

- Вы прошли через терпение и через страх, — сказал Келан. Его серые глаза медленно скользили по лицам. — Теперь настало время проверить нечто иное. Хладнокровие. И способность не терять голову, когда земля уходит из-под ног. Третье испытание называется «Уступ Верности». Следуйте за мной.

Он развернулся и зашагал к самому краю обрыва. Не к тому, что выходил на долину, а к северной стороне, где скала Академии образовывала узкий, извилистый каньон, ущелье, наполненное туманом даже в ясный день. Оттуда доносился постоянный низкий гул — то ли ветер, то ли вода, бушующая где-то в глубине.

Келан остановился у начала узкой, едва заметной тропы, которая змеей спускалась вниз по почти вертикальной стене. Тропа была шириной не более полуметра, вырубленной в самой скале, без перил, без всяких намёков на безопасность.

- Тропа ведёт к уступу, — объяснил инструктор. — На нём находится платформа. Ваша задача — дойти до платформы, взять со стола металлический жетон и вернуться обратно. На всё про всё — двадцать минут на человека. Вы будете спускаться и подниматься по одному. Интервал — три минуты.

Он сделал паузу, чтобы его следующие слова повисли в воздухе, холодные и неумолимые.

- Ветер в каньоне порывистый и непредсказуемый. Камень местами сырой и скользкий. Говорят, там водятся стервятники, которых привлекает запах страха. Это испытание на грани. Те, кто не уверен в своей ловкости или устойчивости, могут отказаться. Сейчас. Без последствий. Как только вы ступите на тропу — дороги назад не будет.

Тишина. Элора услышала, как кто-то сзади судорожно вздохнул. Она сама посмотрела на эту жуткую тропинку, выющую в бездну тумана. Сердце упало. Её хрупкость была не только магической. Её физическая сила и выносливость были ниже, чем у этих крепких парней. Одно неверное движение, один приступ головокружения от высоты или от остаточной боли — и всё.

- Отказаться? — прошептал кто-то рядом.

- Ни за что, — буркнул Рогар. — Это же просто прогулка. Страшнее выглядит, чем есть на самом деле.

Но в его голосе прозвучала фальшивая нота.

Келан выждал несколько мгновений. Никто не вышел из строя.

- Хорошо. Ты первый, — он указал на рослого парня с рыжими волосами в начале очереди. — По моей команде.

Рыжий побледнел, но кивнул. Он подошёл к краю, развернулся спиной к пропасти и, цепляясь пальцами за выступы в скале, начал медленно спускаться. Через несколько секунд

его скрыл туман. Все замерли, прислушиваясь. Слышен был только свист ветра и скрежет его подошв по камню.

Три минуты тянулись мучительно долго. Потом на тропу отправился следующий. И следующий. Некоторые двигались уверенно, другие — медленно, с остановками.

Элора ждала своей очереди, пытаясь успокоить дыхание. Она сосредоточилась на своих руках. На пальцах. Она могла часами балансировать на узком выступе в тире, отрабатывая стойки. Это было похоже. Только здесь срыв означал смерть.

- Ты, — голос Верина вывел её из раздумий. Она была следующей.

Элора подошла к краю. Ветер тут был сильнее, он рвал плащ, пытался сбить с ног. Она сбросила его, оставшись в лёгкой, обтягивающей куртке и штанах. Это вызвало несколько удивлённых взглядов — без плаща она казалась ещё тоньше.

- Удачи, мышка, — процедил Рогар, стоявший за ней. — Постарайся не взвизгнуть слишком громко, когда полетишь вниз.

Элора проигнорировала его. Она посмотрела вниз. Туман клубился, скрывая дно. Глубина была невообразимой. Она повернулась спиной к пропасти, нашла ногой первый выступ, ухватилась пальцами за холодный, шершавый камень и начала спуск.

Первые несколько шагов были самыми страшными. Тело сопротивлялось, инстинкты кричали об опасности. Она дви-

галась медленно, методично, проверяя каждую точку опоры, прежде чем перенести на неё вес. Её пальцы, привыкшие чувствовать баланс кинжала, теперь читали камень, ища малейшие шероховатости, выемки. Ветер толкал её в спину, завывая в ушах. Она прижалась к скале, чувствуя, как холод проникает сквозь тонкую ткань куртки.

Спуск казался бесконечным. Мышцы ног и спины горели. Головная боль, притихшая было, вернулась с новой силой — возможно, от напряжения, а возможно, от магического фона, который исходил откуда-то из глубин каньона. Но она не останавливалась. Шаг. Пауза. Перехват. Она не смотрела вниз. Только на камень перед лицом.

Наконец, тропа расширилась, выведя её на узкий уступ, шириной около пяти метров. На другом его конце стоял простой деревянный стол, а на нём лежала кучка тусклых металлических жетонов. Прямо за столом скала образовывала небольшой грот. И в этом гроте что-то шевелилось.

Элора замерла, прислонившись к стене. Она была не одна на уступе. Прямо у стола стоял предыдущий претендент — тот самый молодой парень, который плакал в лабиринте. Он дрожал всем телом, его лицо было искажено ужасом. Он смотрел не на жетоны, а вглубь грота.

И Элора понимала почему.

В гроте, среди теней, лежала мантикора.

Не взрослая, не огромная царственная особь, а подросток, размером с крупную лошадь. Но даже такой он был вопло-

щением мощи. Его львиное тело было подтянутым, покрытым короткой песчаной шерстью, крылья, сложенные за спиной, отливали медно-бронзовым оттенком. Но что заставило кровь Элоры стечь в жилах, так это его глаза. Они горели лихорадочным, нездоровым янтарным светом. Скорпионий хвост, обычно поднятый высоко, нервно подёргивался, капля яда блеснула на острие жала.

Зверь был ранен или болен. На его боку зияла глубокая, воспалённая рана, из которой сочилась сукровица. Массивная цепь, прикованная к железному ошейнику, тянулась вглубь пещеры и была намертво вбита в скалу. Мантикора металась на длине цепи, издавая низкое, болезненное рычание, больше похожее на стон.

- Он... он не даёт взять жетон, — прошептал парень, заметив Элору. Его глаза были полны слёз. — Я не могу... Он сожрёт меня.

Элора медленно выпрямилась, не отрывая глаз от зверя. Так вот в чём суть испытания. «Уступ Верности». Речь шла не о верности Академии. А о чём-то другом. О понимании? О смелости подойти к раненому, отчаявшемуся существу?

- Он прикован, — тихо сказала она. — Он не достанет до стола.

- Но он рычит! Смотри! — парень указал дрожащей рукой.

Мантикора действительно зарычала, скаля клыки, стоило парню сделать шаг в её сторону. Его взгляд метался между

двумя людьми, полный боли, страха и ярости. Он был загнан в угол, а загнанное животное — самое опасное.

Элора почувствовала, как знакомый, острый укол магической боли пронзил виски. Близость мантикоры, его дикая, неконтролируемая магия билась в её хрупком теле, как птица в клетке. Её затошнило. Кислый привкус заполнил рот. Она сглотнула, заставив себя удержать содержимое желудка.

Она посмотрела на зверя. На его рану. На цепь, впившуюся в шею. И она увидела не монстра. Она увидела себя. Загнанную, отчаявшуюся, прикованную болезнью к роли, которую не выбирала. Их взгляды встретились. Янтарные, безумные глаза и её собственные, синие, полные той же боли.

И в этот момент произошло нечто странное. Острая, режущая боль от магического фона... смягчилась. Не исчезла, но как будто сфокусировалась, превратившись в направленный поток. Она чувствовала его боль. Его страх. Его ярость. Это было невыносимо, но и... понятно.

- Отойди, — тихо сказала она парню. — Иди назад. Я попробую.

- Ты с ума сошла! — прошипел он.

- Иди! — её голос прозвучал резко, почти как приказ.

Парень, видя её решимость, пятился к тропе, не сводя с неё испуганных глаз.

Элора сделала шаг вперёд. Мантикора зарычала громче, прижала уши, ее хвост замер в положении для удара. Элора остановилась. Дышала медленно, глубоко, стараясь унять

дрожь в коленях. Она не знала, что делает. Инстинкты кричали бежать. Но что-то ещё удерживало её на месте.

Она вспомнила, как однажды, в садах замка, нашла раненого ястреба. Птица с перебитым крылом билась в терновнике, и все боялись подойти — острый клюв и когти представляли опасность. Но Элора не испугалась, подошла к нему медленно, без резких движений. Говорила тихо. И ястреб позволил ей освободить его.

Это было не то. Это было в миллион раз опаснее. Но принцип, возможно, был тот же.

Она сделала ещё один шаг. И ещё. Она была теперь на расстоянии вытянутой руки от стола. И в десяти шагах от мантикоры. Его рычание стало непрерывным, вибрирующим звуком, от которого дрожали камни под ногами. Его магия накатывала на неё волнами, каждая из которых отзывалась огнём в костях. Из носа снова потекла кровь. Она вытерла её рукавом, не отводя взгляда от его глаз.

- Тихо, — прошептала она. Не команда. Просто слово. — Тихо. Я не причиню тебе вреда.

Она медленно, очень медленно протянула руку к столу. Её пальцы дрожали. Она схватила первый попавшийся жетон — холодный кусок металла — и сунула его в карман. Задание выполнено. Теперь можно уходить.

Но она не смогла. Она смотрела на рану. Воспалённая, гноящаяся. Цепь натёрла шею до крови. Этот зверь умирал здесь, в одиночестве, в агонии. И Академия использовала его

страдания как испытание для будущих наездников. Это было бесчеловечно. Это было... неправильно.

«Иди, дура!» — кричал внутри голос самосохранения. У тебя есть жетон! Убирайся!

Но её ноги будто приросли к месту. Она видела себя в его глазах. Изгоя. Больного. Прикованного.

Она сделала шаг не назад, к тропе, а в сторону. Ближе к гроту.

Мантикора взревела. Не зарычала, а именно взревела. Звук был оглушительным, полным такой первобытной ярости, что Элора почувствовала, как подкашиваются ноги. Зверь рванулся вперёд на всю длину цепи. Железные звенья лязгнули, натянулись, но выдержали. Он остановился в двух шагах от неё, его горячее, зловонное дыхание обдало её лицо. Капля яда с жала упала на камень у её ног и с шипением прожгла в нём маленькую дыру.

Элора застыла, сердце колотилось так, что казалось, вырвется из груди. Она была в одном шаге от смерти. Но она не отступила. Она подняла руку ладонью вверх.

- Я вижу твою боль, — сказала она, и её голос, к её собственному удивлению, звучал ровно. — Мне тоже больно.

Что-то дрогнуло во взгляде зверя. Безумие на мгновение отступило, сменившись недоумением. Его нос, влажный и чёрный, дернулся, учуяв её запах. Запах крови, страха... и чего-то ещё. Чего-то, что резонировало с его собственным состоянием.

Он отступил на шаг. Рычание стихло, превратившись в низкое, хриплое ворчание. Его хвост опустился, хотя жало по-прежнему было наготове.

Элора поняла, что это её последний шанс. Единственный. Она медленно, не делая резких движений, повернулась и пошла к тропе. Каждый шаг отдавался в висках молотом. Она ждала, что сзади на неё обрушится яростный удар, что жало вопьётся ей в спину.

Но удара не последовало. Только тяжёлое, хриплое дыхание и звук цепи, волочащейся по камню.

Она добралась до тропы и, цепляясь руками и ногами, начала подъём. Слезы текли по её лицу, смешиваясь с кровью и потом. Она не понимала, плачет ли от ужаса, от боли или от чего-то еще. Она просто карабкалась вверх, жетон тяжёлым грузом болтался в кармане.

Когда она наконец выбралась наверх и рухнула на каменные плиты Двора Испытаний, её вырвало. Долго, мучительно, пока не свело желудок судорогой. Вокруг стояли старшекурсники и другие претенденты, смотревшие на неё с разными выражениями: от отвращения до невольного уважения.

- Жетон, — сказал Верин, подходя.

Элора, всё ещё дрожа, достала из кармана металлический кружок и протянула ему. Он взял его, кивнул.

- Прошла.

Она отползла в сторону, прислонилась к стене и закрыла глаза, пытаясь отдышаться. Её трясло мелкой, неконтроли-

руемой дрожью. Она едва не умерла. Ей повезло.

- Следующий, — слышала она голос Келана.

Подъёмы и спуски продолжались. Некоторые возвращались быстро, с побледневшими лицами, но целые. Другие — медленнее. Лира прошла участок почти бегом, демонстрируя невероятную ловкость. Она вышла почти невредимой, только с глубокой царапиной на щеке — видимо, от когтя мантикоры. Она бросила на Элору странный взгляд — оценивающий, любопытный.

Рогар спустился и вернулся быстрее всех. Он вышел наверх, слегка запыхавшись, с торжествующей ухмылкой.

- Что за дикарёныш! — заявил он, обращаясь к своим приятелям. — Прямо так и рвался, гад. Но я ему показал! Швырнул в морду камень, пока он оглох от рёва, я схватил жетон. Это было легко!

Элора смотрела на него, и её охватила волна холодной ненависти. Он швырнул в раненое, прикованное существо камнем. И гордился этим.

Испытание подходило к концу. Оставалось всего несколько человек.

Молодой парень стоял на краю, бледный как полотно, и никак не мог заставить себя ступить на тропу.

- Давай же, — подбадривал его Верин, но в его голосе не было ни капли тепла. — Или отказывайся.

Парень замотал головой.

- Я... я не могу. Я боюсь высоты.

- Тогда шаг в сторону, — сказал Келан. Его тон был безразличным. — Ты выбываешь.

Парень, казалось, обрадовался такому исходу. Он отошёл, дрожа всем телом.

Предпоследним был Бренн, приятель Рогара. Он был уверен в себе, спустился быстро. Но на обратном пути что-то пошло не так.

Все ждали. Три минуты. Пять. Десять.

- Что он там застрял? — пробормотал Рогар, подходя к краю и пытаясь заглянуть в туман.

Внезапно снизу донёсся короткий, обрывающийся крик. Не крик ужаса. А крик боли. А затем — глухой, отдалённый звук удара о камни. Далекий, но отчётливый. И наступила тишина.

Все наверху замерли. Элора почувствовала, как холодная пустота разливается у неё внутри.

Верин и Сильна обменялись взглядами. Сильна кивнула и, ловко, как ящерица, начала спускаться по тропе. Она вернулась через десять минут. Её лицо было каменным.

- Сорвался, — коротко доложила она Келану. — Упал на уступ. Мёртв. Мантикора... — она немного запнулась, — была возбуждена. Пришлось применить меры.

Применить меры. Эвфемизм, за которым, Элора была уверена, скрывалось что-то ужасное.

Келан лишь кивнул, как будто услышал о сломанном инструменте.

- Следующий.

Последний претендент, увидев и услышав всё это, остался на месте.

Инструктор повернулся к оставшимся. Их теперь было тридцать шесть. Один погиб. Двое отказались в последний момент.

- Третье испытание завершено, — сказал Келан. Его голос по-прежнему не выдавал никаких эмоций. — Вы увидели, что такое риск. Вы увидели, что такое смерть. Это не игра. Завтра — последнее испытание. Испытание перед самими мантикорами. Отдыхайте. Если можете.

Он развернулся и ушёл, старшекурсники последовали за ним.

На Дворе Испытаний воцарилась гробовая тишина, нарушаемая только завыванием ветра. Все смотрели в туман каньона, где только что погиб их товарищ. Бренн.

Рогар стоял, сжав кулаки, его лицо исказила гримаса ярости и... страха.

- Дурак, — прошипел он. — Неуклюжий дурак.

Но в его глазах Элора увидела понимание того, что это мог быть он. Что это мог быть любой из них.

Элора поднялась на ноги. Её тело протестовало, каждый мускул кричал от усталости и боли. Но она выстояла. Она выжила. А кто-то — нет. И завтра им предстояло встретиться с мантикорами не как с измученными пленниками, а как с полноправными, свирепыми хозяевами неба.

Она посмотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали. Но в глубине души, под слоями ужаса и истощения, тлела крошечная искра. Искра чего-то, что она почувствовала там, внизу, во взгляде раненого зверя.

Или это была просто галлюцинация, порождённая болью и страхом?

Она не знала. Но знала одно: чтобы пережить завтрашний день, ей понадобится нечто большее, чем ловкость и упрямство. Ей понадобится чудо. Или она разделит судьбу Бренна, разбившегося о камни в туманном каньоне.

Добро пожаловать в очередную новинку нашего литмоба от Аси Азаровой "Вересковый лед" <https://litnet.com/shrt/-Zzi>

Глава 5

Ночь перед четвёртым испытанием была самой долгой в жизни Элоры. Сон не приходил. Она лежала на жёсткой соломенной подстилке в общей казарме для претендентов, слушая, как другие ворочались, бормотали во сне, а некоторые, как ей показалось, тихо плакали. Воздух был густым от запаха пота и страха. Кто-то храпел. Кто-то стонал от боли в растянутых мышцах. Элора смотрела в потолок из грубых тёмных балок, чувствуя, как каждый ушиб, каждая ссадина на её теле пульсирует в такт сердцебиению. Головная боль утихла до тупого, фонового гула, но её место заняла тревога, холодная и цепкая, как корни ядовитого плюща.

Она вспоминала взгляд раненой мантикоры. Янтарный, безумный, полный боли. И тот миг, когда безумие в нём дрогнуло. Было ли это реальностью? Или её измученный разум сыграл с ней злую шутку? Но она помнила, как острая магическая боль смягчилась, сфокусировалась. Она помнила, как зверь отступил. Это что-то значило. Должно было значить.

А ещё она вспоминала звук. Тот самый, далёкий и влажный, удар тела о камень. Бренн. Она едва знала его. Но теперь его не было. И завтра кто-то ещё мог разделить его участь. Или её собственную.

Перед рассветом в казарму вошли старшекурсники с фа-

келами. Они не церемонились, грубо растолкав спящих.

- Подъём! Через час вы должны быть на Дворе Испытаний. Опоздавшие считаются выбывшими.

Элора встала, её тело заныло в унисон движениям. Она умылась ледяной водой из общего таза, снова ощутив на лице прикосновение грубой ткани плаща. Она была готова. Или нет. Но выбора не было.

На улице ещё царил предрассветный синий сумрак. Воздух был ледяным и чистым, пахнувшим сосной и далёким снегом с гор. Звёзды ещё не погасли, но на востоке уже разливалась бледная полоса зари. Двор Испытаний был пуст, если не считать тёмных силуэтов старшекурсников, расставлявших по периметру факелы на высоких шестах.

Претенденты собирались молча. Никто не шутил. Никто не разговаривал. Даже Рогар стоял, мрачно уставившись в землю, его обычная бравада куда-то испарилась. Все тридцать семь человек выглядели как призраки — бледные, с впавшими глазами, с нервными подёргиваниями в уголках губ. Они прошли через боль, страх и смерть. И теперь им предстояло столкнуться с самой сутью этого места.

Когда взошло солнце, из главного здания Академии вышел инструктор Келан. Но на этот раз он был не один. С ним шли ещё двое людей в таких же мундирах с серебряной оторочкой — мужчина и женщина постарше, с лицами, покрытыми шрамами и странным, отстранённым выражением, как у людей, слишком долго смотревших в бездну. Наездники.

Опытные.

- Последнее испытание, — начал Келан без преамбулы. Его голос разносился в хрустальном утреннем воздухе. — Испытание «Зов Крови». Вы стоите на пороге самого важного выбора в вашей жизни. Но делать его не вам.

Он махнул рукой в сторону скалы с питомниками. И в этот момент оттуда донёсся звук. Не рык. Не рёв. А нечто среднее — низкий, вибрирующий гул, который отзывался в самой груди, заставляя сердце биться чаще. Его подхватили другие голоса. Десять. Двадцать. Сотня. Целая симфония ярости, тоски и дикой, необузданной силы. Звук нарастал, заполняя собой всё пространство, давя на барабанные перепонки, заставляя некоторых претендентов инстинктивно прикрыть уши. Воздух зарядился магией так густо, что его можно было почти пощупать. Для Элоры это было как удар. Острая, режущая боль пронзила череп, заставив её вскрикнуть и схватиться за виски. Она упала на колени, её вырвало желчью прямо на камни. Круги поплыли перед глазами.

- Встать! — рявкнул один из старших инструкторов. — Если падаете сейчас, что вы будете делать там?!

Элора, стиснув зубы до хруста, поднялась. Она держалась на ногах только благодаря силе воли. Кровь снова потекла из носа, капая на куртку. Она вытерла её, не обращая на окружающих внимания. Боль была ужасной, но она привыкла. Она выживала с этой болью каждый день своей жизни. Просто сейчас она была сильнее.

- Мантикоры — не домашние животные! — кричал Келан поверх гула. — Они — партнёры! Они — оружие! Они — ваше второе «я», если вы окажетесь достойны! Сегодня они выйдут к вам. Не все. Только те, кто почуял в этом году что-то стоящее. Или те, кто хочет развлечься.

Его слова повисли в воздухе, леденя душу.

- Вы зайдёте в Круг. По одному. Ваша задача — выстоять. Не бежать. Не закрывать глаза. Стоять и встречать их взгляд. Если мантикора выберет вас — вы почувствуете это. Если нет... — он не договорил. — Вы просто выйдете. Или вас вынесут. Испытание длится до тех пор, пока все мантикоры не вернутся в питомники или пока все претенденты не пройдут через Круг. Порядок определит жребий.

К нему подошёл Верин с мешочком из грубой кожи. В нём были кости с вырезанными номерами. Претенденты стали подходить и вытаскивать свою судьбу. Элора вытянула кость с числом «девятнадцать». Почти в середине. У неё будет время понаблюдать. Или сойти с ума от ожидания.

Первый номер вытянул крепкий, молчаливый парень по имени Торбин. Он был одним из немногих, кто сохранял каменное спокойствие. Его провели к центру Двора, где был выложен из тёмных камней большой круг, диаметром около тридцати шагов — Кровный Круг.

Ворота в скале с грохотом отъехали.

И они вышли.

Сначала это были тени, движущиеся в полумраке прохода.

Потом первые лучи солнца упали на песчаные, золотистые, коричневые и даже почти чёрные шкуры. Мантикоры.

Элора задохнулась. Она видела их издалека, в небе. Но так близко... Они были воплощением мощи и грации. Львиные тела, мускулистые и гибкие, крылья, сложенные или слегка расправленные, переливающиеся на солнце, как драгоценная парча. Головы с умными, жестокими глазами и гривами, развевающимися от собственного движения. И хвосты — изящные, смертоносные дуги с каплями прозрачного яда на кончиках.

Их было около двадцати. Не так много, как голосов, но достаточно, чтобы заполнить пространство вокруг Круга угрожающей, живой массой. Они не спешили. Они выходили, обнюхивали воздух, смотрели на собравшихся людей с холодным, оценивающим безразличием хищников, наблюдающих за стадом.

Торбин стоял в центре Круга, ноги на ширине плеч, руки по швам. Он не двигался.

Мантикоры начали обходить Круг, медленно, вальяжно. Их глаза, цвета мёда, янтаря, тёмного топаза, скользили по нему. Одна, огромная чёрная как смоль самка, подошла ближе, её горячее дыхание образовало облачко пара в холодном воздухе. Она всмотрелась в Торбина, её нос дернулся. Потом она фыркнула, брызнув слюной, и отошла, явно не заинтересовавшись.

Другие последовали её примеру. Некоторые просто про-

ходили мимо. Один молодой самец с шерстью цвета меди даже лёг у края Круга и начал вылизывать лапу, совершенно игнорируя человека в центре. Напряжение росло. Торбин стоял уже несколько минут. И ничего не происходило.

И вдруг — произошло.

Из питомника вышел ещё один. Он был меньше других, но не менее впечатляющим. Его шерсть была не песочной, а серебристо-серой, почти как лунный свет на стали. И он шёл прямо к Кругу, не смотря по сторонам. Его глаза, ярко-зелёные, как изумруд, были прикованы к Торбину.

Мантಿಕора остановилась у самой границы камней. Она не рычала. Она просто смотрела. Торбин встретил её взгляд. Прошло десять секунд. Двадцать. Затем Торбин медленно, очень медленно поднял руку, ладонью вверх. Мантикора наклонила голову, потом сделала шаг вперёд, переступив границу Круга. Она подошла к нему, упёрлась массивной головой в его ладонь и издала низкое, глубокое урчание, больше похожее на мурлыканье огромной кошки, но с рокотом далекой грозы.

Вокруг воцарилась полная тишина, нарушаемая только этим звуком. Даже другие мантикоры прекратили движение, наблюдая.

Инструктор Келан кивнул.

- Связь установлена. Торбин, вы прошли. Отведи свою мантикору к питомникам для клеймения.

Торбин, лицо которого впервые за все дни выразило эмо-

цию — безудержную, дикую радость, — повернулся и, положив руку на шею серебристого зверя, повёл его прочь. Мантикора шла рядом с ним, как верный пёс, но в каждом её движении чувствовалась невероятная, сдерживаемая мощь.

Элора почувствовала странный толчок в груди — смесь зависти и надежды. Это было возможно. Кто-то мог быть выбран.

Испытания продолжились. Второго претендента, девушку с коротко стриженными волосами, мантикоры вообще не удостоили внимания. Она простояла положенные пять минут и вышла из Круга с опущенной головой — провал. Третьего, долговязого парня, попытался атаковать молодой, агрессивный самец — не входя в Круг, но с рыком бросаясь к самой границе. Парень не выдержал, отшатнулся, упал на спину. Его тут же объявили не прошедшим и выволокли за пределы площадки под презрительные взгляды зверей.

Четвёртый... четвёртому не повезло.

Это был тот самый молодой парень, который плакал после лабиринта. Он шагнул в Круг, дрожа как осиновый лист. Его страх был таким густым, что его, казалось, можно было понюхать. И мантикоры его учуяли.

Большая, коричневая самка с шрамом через глаз внезапно заинтересовалась. Она вошла в Круг. Не медленно, а быстрыми, решительными шагами. Парень затрясся ещё сильнее, сделал шаг назад. Это было ошибкой. Мантикора рыкнула — коротко, предупреждающе. Он сделал ещё шаг. И... по-

вернулся, чтобы бежать.

Это был конец. Никто не смел поворачиваться к ним спиной.

Коричневая мантикора прыгнула. Не в полную силу — она явно играла, как кошка с мышью. Но её лапа с когтями, каждый размером с кинжал, чиркнула по спине парня. Раздался звук рвущейся ткани и плоти. Парень вскрикнул, упал, катаясь по камням. Кровь забрызгала тёмные камни Круга. Мантикора нависла над ним, любопытно обнюхивая.

- Достаточно! — крикнул один из старших инструкторов. Он во что-то свистнул, раздался резкий, пронзительный звук. Мантикора на мгновение замерла, затем, фыркнув, отошла. К парню тут же бросились старшекурсники с носилками. Он был жив, но его спина была разодрана в клочья. Его пронзительные стоны ещё долго эхом отдавались в ушах Элоры.

Кровь на камнях. Это был не Бренн, разбившийся в каньоне. Это было здесь, на виду у всех. Явная, красная, живая кровь. И мантикоры, казалось, только раззадорились её запахом.

Испытания продолжались. Некоторые проходили, находя свою пару — тихо, почти без драмы. Некоторые проваливались, выходя невредимыми, но с разбитыми надеждами. Лира была выбрана огромной чёрной мантикорой, и они, казалось, признали друг друга с первого взгляда — зверь просто лёг перед ней, подставив шею для прикосновения.

Наконец, очередь дошла до Рогара. Он вытянул номер восемнадцать, прямо перед Элорой. Он ступил в Круг с привычной бравадой, грудь колесом, подбородок задран. Он был силен и уверен в себе. И мантикоры это чувствовали.

Они не игнорировали его. Несколько особей обошли его, принохиваясь. Один крупный самец с гривой цвета ржавчины даже вступил в Круг и зарычал, как бы проверяя его на прочность. Рогар не дрогнул. Он уставился на зверя в ответ, его собственное лицо исказила гримаса вызова. Казалось, они понимали друг друга. Эта грубая, прямая ярость.

И Рогар был выбран. Но не тем самцом. Из тени вышла другая — не самая крупная, но невероятно поджарая и быстрая на вид мантикора с короткой, колючей гривой и глазами цвета расплавленного золота. Она подошла к Рогару и, не церемонясь, толкнула его головой в грудь, едва не сбив с ног. Рогар рассмеялся — хрипло, победно — и шлёпнул её по шее.

- Вот так, красавица! Теперь мы с тобой покажем им всем!

Его увели вместе с мантикорой, которая, казалось, полностью одобряла его грубые манеры.

Элора была следующей. Девятнадцатая.

Когда её номер называли, она почувствовала, как ноги стали ватными. Головная боль, всё это время тлевшая на заднем плане, вспыхнула с новой силой от близости почти двадцати магических существ. Её затошнило. Но она сделала шаг вперёд, и все взгляды — и людей, и зверей — устремились

на неё. Она слышала шёпот:

- Смотрите, это та, хрупкая...
- Она ещё не оклемалась после вчерашнего...
- Долго она не простоит...

Она вошла в Круг. Камни под ногами были холодными. В нескольких шагах от неё темнело пятно запёкшейся крови того несчастного парня. Запах крови, страха и дикой магии ударил в нос. Она заставила себя выпрямиться. Поднять голову. Смотреть вперёд.

Мантикоры затихли. Их шевеление прекратилось. Они смотрели на неё. Все. Их коллективный взгляд был осязаем, как удар. Магия, исходящая от них, обрушилась на неё стеной. Боль стала белой, ослепляющей. Она почувствовала, как кровь хлынула из носа, заливая губы и подбородок. В ушах зазвенело. Она качнулась, но удержалась на ногах. Стоять. Просто стоять.

Одна из мантикор — та самая чёрная самка, что первой вышла к Торбину, — медленно приблизилась к границе Круга. Она была огромной, настоящей королевой этого прайда. Она всмотрелась в Элору, её ноздри расширились. И затем — она зарычала. Не предупреждающе, а с явным отвращением. Она почуяла её слабость. Её хрупкость. Её неправильность.

Она сделала шаг вперёд, переступив границу. Элора замерла. Сердце колотилось где-то в горле. Чёрная мантикора приблизилась, её горячее дыхание обжигало лицо Эло-

ры. Она наклонила голову, как бы рассматривая диковинное, жалкое насекомое. Затем она фыркнула, и брызги слюны и магии попали Элоре в лицо. Боль стала невыносимой. Элора вскрикнула, упав на колени. Она не могла дышать. Мир поплыл.

Чёрная мантикора, увидев это, развернулась и отошла, её хвост высокомерно взметнулся вверх. Явный отказ. Презрение.

Но она ушла недалеко. Она села у края Круга, наблюдая, как другие последуют её примеру.

И они последовали. Один за другим мантикоры подходили к границе, нюхали воздух, полный её боли и страха, и отворачивались. Некоторые рычали. Одна даже легла и зевнула, демонстрируя полную скуку. Никто не видел в ней партнёра. Они видели жертву. Больную. Слабую. Недостойную.

Элора сидела на коленях, сгорбившись, пытаясь унять дрожь и хоть как-то справиться с болью, которая разрывала её изнутри. Слезы текли по её лицу, смешиваясь с кровью. Она проваливалась. Публично, унижительно. Все это видели — и старшекурсники, и претенденты, и сами мантикоры. Её худшие страхи сбывались.

Инструктор Келан уже открывал рот, чтобы объявить о её провале и приказать убрать с Круга. Элора видела это в его глазах. Холодное безразличие. Очередная отбраковка.

И тут из питомника донёсся звук. Не рык. А скорее... крик. Высокий, пронзительный, полный боли и ярости.

Звук, который она слышала вчера.

Все обернулись.

Из темноты прохода, хромая, вышла она. Мантикора-подросток с уступа. Тот самый, раненый зверь. Его рана была перевязана грубыми бинтами, но он всё ещё выглядел измученным, истощённым. Шерсть была тусклой, ребра проступали под кожей. Но в его зелёных глазах горел тот же самый огонь — боли, безумия и невероятной, упрямой воли к жизни.

Охранявшие выход старшекурсники попытались его остановить, но он проигнорировал их, протолкнувшись мимо с рыком. Он шёл прямо к Кровавому Кругу. К Элоре.

Он остановился у границы. Его взгляд встретился с её. И в этот миг с Элорой произошло нечто. Боль, которая терзала её, внезапно изменилась, но... не исчезла. Она перестала быть слепой атакой. Она стала каналом. Мостом. Она чувствовала его боль — жгучую рану на боку, ноющую пустоту от голода, зудящее раздражение от ошейника. И сквозь эту боль она чувствовала ярость. Ярость на тех, кто приковал его. На тех, кто смотрел на него как на вещь. На весь этот жестокий мир.

И он чувствовал её. Её боль от магии, которая жгла изнутри. Её страх оказаться ненужной. Её тихое, непоколебимое упрямство, которое держало её на ногах, когда всё тело кричало, чтобы она сдалась.

Они смотрели друг на друга — хрупкая, окровавленная

девушка и измученный, искалеченный зверь. И в этом взгляде не было вызова. Не было оценки на пригодность. Было узнавание. Как два зеркала, отражающие одно и то же страдание.

Раненая мантикора сделала шаг вперёд. И ещё. Она вошла в Круг.

Тишина стала абсолютной. Даже ветер, казалось, замер. Чёрная самка у края насторожилась, издав низкое предупреждающее ворчание, но раненый зверь проигнорировал её.

Он подошёл к Элоре. Она, всё ещё стоя на коленях, подняла голову, чтобы встретиться с его взглядом, и протянула руку — не ладонью вверх, как делали другие, а просто протянула, позволяя ему решить.

Мантикора наклонила голову. Он не ткнулся носом в её ладонь. Он коснулся своим лбом её лба. Твёрдый, горячий, покрытый короткой шерстью. Физический контакт.

И мир взорвался.

Но не болью, а чем-то совершенно иным.

Это было как удар молнии, но обращённый внутрь. Вспышка чистого, нефильтрованного ощущения. Она почувствовала прилив силы, чужой, звериной, текущей по её жилам. Она почувствовала остроту его когтей, упругость мышц под своей кожей, ветер под воображаемыми крыльями. Она увидела мир его глазами — не в цветах, а в оттенках тепла, движения и магии. И она знала его. Его ярость была её яростью. Его боль — её болью. Его воля к жизни — её

собственной волей.

А он... он получил от неё не силу. Не мощь. Он получил тишину. Островок спокойствия в море его собственной боли. Чёткую, холодную ясность её разума. И ту самую невероятную стойкость, которая позволяла ей существовать в мире, который причинял ей боль просто своим дыханием.

Это не было подчинением одного другому. Это было слияние. Взаимодополнение. Две сломанные половинки, сложившиеся в нечто целое, что было сильнее, чем они по отдельности.

Между ними вспыхнула видимая вспышка — слабое, серебристое сияние, окутавшее их обоих на мгновение. Знак установившейся связи Зверодуха. Связь была установлена.

Тишина на площадке взорвалась.

- Это невозможно! — кто-то крикнул.

- Она... она связалась с Отверженным? — прошептала Сильна, её холодные глаза широко раскрылись от изумления.

Инструктор Келан смотрел на них, и впервые за все дни его каменное лицо выразило нечто кроме холодной отстранённости. Это было потрясение. И глубокая, неподдельная тревога.

Раненая мантикора — её мантикора — оторвался от её лба и издал звук. Не рык. Не рёв. А нечто вроде хриплого, триумфального крика, который тут же подхватило эхо скал. Затем он развернулся и, хромая, пошёл прочь из Круга, огля-

нувшись на неё, как бы говоря: «Идём».

Элора поднялась на ноги. Боль ушла. Не полностью, но она отступила, превратившись в далёкий, почти незаметный фон. Её тело было лёгким, наполненным странной, чужой энергией. Она вытерла кровь с лица и пошла за своим зверем. Она не смотрела на Келана. Не смотрела на изумлённые лица претендентов. Она смотрела только на спину мантикоры, которая теперь была частью её самой.

Они шли мимо чёрной самки, которая наблюдала за ними с непроницаемым взглядом. Мимо старшекурсников, расступившихся перед ними в молчаливом шоке. Мимо Рогара, который смотрел на неё с таким откровенным недоумением и злобой, что это было почти смешно.

Её зверь остановился перед инструктором Келаном и издал короткое, властное фырканье, как бы требуя признания.

Келан медленно кивнул, его взгляд скользнул от мантикоры к Элоре и обратно.

- Связь... установлена, — произнёс он, и в его голосе прозвучала тень чего-то, что могло быть уважением. Или предчувствием беды. — Нареки ему имя. И веди в питомник для клеймения.

Элора посмотрела в зелёные глаза своего зверя. В них больше не было безумия. Была боль. Была ярость. Но была и ясность. И признание.

- Люцидор, — сказала она тихо. «Несущий свет». Ирония имени была горькой, но подходящей. Он был светом в

её тьме. И она, возможно, стала тишиной в его буре.

Люцидор фыркнул, как бы соглашаясь, и тронулся с места, направляясь к питомникам. Элора шла рядом, положив руку на его шею, чувствуя под пальцами тёплую шерсть и мощную пульсацию жизни.

Она прошла. Прошла все четыре испытания. Она стала наездницей. Изгоем среди изгоев. Связавшейся с отверженным зверем. Что бы это ни значило.

И пока они шли, оставляя позади шокированную тишину Двора Испытаний, Элора знала одно: её настоящая битва только начинается.

Новинка литмоба уже ждет вас. Николь Феникс "Опальная королева для генерала дракона" <https://litnet.com/shrt/nfjn>

Глава 6

Первые дни в Академии «Гроза Небес» были для Элоры не адаптацией, а скорее погружением в ледяную воду с последующей пробежкой по раскалённым углям. Если испытания проверяли дух, то теперь проверялось всё: тело, разум, терпение и способность выживать в закрытом, жестоком микрокосме, живущем по своим, не писаным законам.

После клеймения — болезненной процедуры, когда раскалённым железом с магическим резонансом выжигали на её левом запястье и на плече Люцидора символ связи, переплетённые буквы «Л» и стилизованное крыло, — её определили в казарму для новобранцев первого года. Казарма «Утёс» находилась в самом старом и сыром крыле академического комплекса. Это было длинное, низкое помещение с каменными стенами, по которым стекали влажные полосы, и десятком двухъярусных кроватей с соломенными тюфяками. Личного пространства не существовало. Шкафчики были общими, умывальник — один на всех, в конце зала. Воздух пах немытой одеждой, дешёвым мылом и вечным запахом конюшни, который просачивался даже сюда из питомников.

Из тридцати семи претендентов, начавших испытания, «достойными» оказались лишь двадцать три. Остальные либо погибли, либо были отправлены восвояси с разбитыми

телями и душами. Эти двадцать три новобранца и стали её новым миром.

Ли́ра, девушка-воительница, которая однажды за неё заступилась, оказалась её соседкой по казарме. Она была дочерью пограничного лорда с севера, и её прикладной, лишённый сантиментов взгляд на вещи сразу вызвал у Элоры уважение. Ли́ра не задавала лишних вопросов о «хрупкости» Элоры, но внимательно наблюдала.

- Ты держалась, — сказала она однажды утром, видя, как Элора, бледная как смерть, подавляет приступ тошноты после близкого контакта с магическим артефактом на лекции по истории. — Это главное. Здесь ломают всех. Просто кто-то ломается громко, а кто-то — тихо. Старайся ломаться тихо.

Ещё одним неожиданным знакомством стал Торбин, тот самый, первый выбранный. Огромный, молчаливый, он оказался не тупым здоровяком, а вдумчивым и невероятно преданным своему серебристому зверю, которого назвал Агент. Он стал чем-то вроде молчаливого ангела-хранителя Элоры, без слов прикрывая её спину в столовой или во время строевых занятий, когда более агрессивные новобранцы норовили её подтолкнуть.

Но главным открытием стал паренёк по имени Финн. Низкорослый, вертлявый, с острыми, как у хорька, чертами лица и невероятно живыми глазами. Он не был выбран мантикорой в Круге. Он вообще не должен был здесь находиться.

Финн был «назначенцем» — сиротой с феноменальной памятью и живым умом, которого взяли в Академию не как будущего наездника, а как писца, картографа и, как он сам таинственно намекал, «собирателя полезных сведений». Он был приставлен к новобранцам как помощник и проводник по бюрократическим джунглям Академии. Финн знал всё: где взять дополнительную порцию каши, как отличить сержанта-садиста от просто строгого инструктора, какие тропинки ведут в заброшенные части крепости. И он, кажется, единственный, кто смотрел на Элору не как на диковинку или слабое звено, а как на интересную загадку.

- Люцидор, а? — пробормотал он однажды, застав её за чисткой снаряжения в углу оружейной. — Раненый. Изгой. И ты. Первая за тридцать лет, кого выбрал «отверженный». История, которая ходит среди всех жителей этой Академии. Интересная история.

- Это не история, — отрезала Элора, слишком резко оттирая пятно на кожаной попоне. — Это моя жизнь.

- В этом месте, солнышко, твоя жизнь и есть история, — философски заметил Финн, сгрёб в охапку грязные бинты для перевязки и скрылся в коридоре.

Но если появлялись союзники, то и враги не заставили себя ждать. Рогар, теперь гордый наездник на своей золотоглазой мантикоре по имени Ирис, не оставил своих насмешек. Теперь они стали тоньше, ядовитее, подкреплённые его новым статусом. Его связь с Ирис была сильной, грубой, осно-

ванной на взаимной агрессии, и это делало его одним из самых заметных новобранцев.

- Смотри-ка, Призрак и его Тень, — говорил он громко, когда Элора проходила мимо с Люцидором. Люцидор, всё ещё хромающий, но уже набирающий силы, поворачивал голову и издавал тихое, предупреждающее ворчание. Рогар лишь смеялся. — Что, калека? Тебе бы сначала научиться ходить, прежде чем рычать.

Но Рогар был простым, предсказуемым врагом. Гораздо опаснее оказался другой.

Имя ему было Кейден. Он был не новобранцем. Он был второгодником. И не простым второгодником, а тем, кто намеренно остался на второй год, хотя его мантикора — массивный, тёмно-бурый зверь по имени Громовержец — была одной из самых сильных в своём классе. Ходили слухи, что Кейден отказался от выпуска, потому что считал себя недостаточно готовым, и руководство Академии, впечатлённое его фанатичной дисциплиной и результатами, позволило ему остаться в качестве своего рода старшего помощника инструктора для новобранцев. Другие шептались, что истинная причина в его патологическом стремлении к контролю и власти над теми, кто слабее.

Кейден был высок, строен, с идеальной военной выправкой. Его лицо было бы красивым, если бы не глаза — холодные, светло-голубые, как зимний лёд, и абсолютно пустые. В них не было ни страсти, ни гнева, ни даже презрения Рогара.

Только спокойная, безжалостная оценка. Он носил мундир с отличительными знаками второго года безупречно, каждый волосок на его голове был уложен, а сапоги отливали глухим, угрожающим блеском.

И он с первого дня выделил Элору.

Их первая встреча произошла на тренировочном плацу на второй день. Новобранцев гоняли по полосе препятствий — бег с грузом, канаты, стенки. Элора, даже с новообретённой выносливостью от связи с Люцидором, была далеко не лучшей. Её выносливость росла, но базовая физическая сила всё ещё отставала. Она из последних сил переползала через высокий барьер, когда над ней возникла тень.

- Имя? — спросил голос без интонации.

Элора, сползая вниз, подняла голову. Кейден смотрел на неё сверху вниз, держа в руках восковую табличку.

- Лора, сэр, — выдохнула она, отдавая честь.

- Лора, — он повторил, как бы пробуя имя на вкус и находя его неудовлетворительным. Его взгляд скользнул по её форме, задержался на запястье с клеймом. — Ты та самая. Связавшаяся с Отверженным.

Это был не вопрос, а констатация факта. Но в его тоне звучало нечто, от чего по спине Элоры пробежали мурашки.

- Да, сэр, — подтвердила она, стараясь не опускать глаза.

- Уродство притягивает уродство, — тихо, почти задумчиво произнёс Кейден. — Интересно. Твои результаты на полосе — худшие в группе. Ты замедляешь всех. В бою такая

слабость стоила бы жизни не только тебе, но и твоим товарищам.

- Я буду стараться, сэр.

- «Стараться» — это для детей и крестьян, — холодно отрезал он. — Здесь требуется результат. Я буду за тобой наблюдать, Лора. Очень внимательно. Надеюсь, твой... питомец... компенсирует твои природные недостатки. Иначе твоё пребывание здесь будет недолгим. И болезненным.

Он повернулся и ушёл, даже не дожидаясь её ответа. Элора осталась стоять, чувствуя, как её тело холодеет не столько от страха, сколько от инстинктивного, животного отвращения. Это была не просто неприязнь. Это была угроза, холодная и расчётливая.

С этого дня Кейден стал её личным кошмаром. Он находился на любых занятиях. Тактика, верховая езда на учебных лошадях (пока к полётам не допускали), строевая подготовка, даже на лекциях по истории Зверодуха.

- Лора, — раздавался его голос в тишине аудитории. — Назови три основных принципа боевого построения «Когти Грифона» при атаке с фланга.

Элора, чей разум был занят борьбой с мигренью от магического фона лекционного зала запиналась. Она знала материал, но боль рассеивала мысли.

- Первый... удержание высоты...

- Неправильно, — голос Кейдена резал воздух. — Первый принцип — подавление магического резонанса противника.

Основы, новобранец. Основы, которые ты, похоже, игнорируешь. Дополнительное задание — переписать конспект лекций за последнюю неделю. К завтрашнему утру.

На тренировках по рукопашному бою он ставил её в пару с самыми тяжёлыми и агрессивными новобранцами. «Чтобы закалить», — говорил он. Результатом были синяки, ссадины и однажды вывихнутое плечо, которое целительница едва успела вправить до отбоя.

Но самое худшее ждало её в питомниках.

Впервые Элора вошла в общие загоны для мантикор, чтобы провести положенные часы ухода за своим зверем. Питомник был огромным, пещерным комплексом внутри скалы, с высокими сводами, клетками-нишами, вырубленными в камне, и постоянным гулом — рёвом, рыком, скрежетом когтей по камню и мощным, сконцентрированным гулом магии. Для Элоры это было чистилище. Даже с установившейся связью, которая действовала как буфер, фоновый шум двадцати других мантикор бил по её сознанию, как молот. Она шла, стиснув зубы, с мокрым от холодного пота лицом.

Люцидор ждал её в своей нише — одной из самых дальних и неухоженных, что само по себе было знаком статуса. Но при её появлении он поднял голову, и в его зелёных глазах вспыхнуло что-то вроде... облегчения. Он принялся обнюхивать её, тычась мордой в руки, проверяя, цела ли она. Их связь работала в обе стороны: он чувствовал её боль и страх, а она — его тревогу и тоску по свободе.

Она принялась за работу — чистить его шерсть специальной щёткой, обрабатывать мазью заживающую рану на боку (целительница Академии сделала своё дело, но шрам останется навсегда), проверять когти и состояние крыльев. Крылья Люцидора были особым предметом её гордости и тревоги. Они были меньше, чем у других мантикор его возраста, и один сустав был немного деформирован — вероятно, следствие старой травмы. Но перепонки были крепкими, а мускулатура развивалась на глазах.

Именно здесь, у клетки Люцидора, их и настиг Кейден. Он шёл не один, а со своим Громовержцем. Бурая мантикора была на голову выше Люцидора, её взгляд был таким же холодным и оценивающим, как у её наездника. Они остановились, и Громовержец издал низкое, властное ворчание, заставившее Люцидора прижать уши и ответить тихим, но решительным рыком.

- Наводишь лоск на своего уродца? — спросил Кейден, скрестив руки на груди.

- Ухаживаю за своим Зверодухом, сэр, — ответила Элора, не прекращая работы.

- «Зверодух», — он усмехнулся, и это было страшнее, чем его обычная ледяная маска. — Ты понимаешь, что твоя связь — ошибка? Аберрация. Такие особи, как он, редко выживают. Их магия нестабильна. Их разум... подвержен порче. Ты связала свою жизнь с биологическим и магическим браком. Это ставит под угрозу не только тебя, но и других. Если он

сорвётся в ярость во время полёта в строю...

- Он не сорвётся, — резко сказала Элора, впервые подняв на него глаза. В них горел огонь, который она обычно скрывала.

- Ты не можешь этого знать. Я видел отчёты целительницы. Его рана была заражена не просто гнилью. В ней были следы... чужой магии. С той стороны Стены.

Элора замерла. «Чужая магия». Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец. Она вспомнила, как Люцидор почуял её в Круге. Как их боли резонировали.

- Что вы хотите сказать? — тихо спросила она.

- Я хочу сказать, что за тобой и твоим зверем нужно особое наблюдение. И я буду этим заниматься. Каждый твой шаг. Каждая твоя ошибка. Потому что я не позволю уродству и потенциальной измене заразить это место.

Он сделал шаг вперёд. Люцидор встал между ним и Элорой, расправив крылья, насколько позволяла клетка, и огрызнулся, обнажив клыки. Громовержец ответил глухим рёвом, и эхо прокатилось по всему питомнику, заставив замолчать других зверей.

- Контролируй своего зверя, новобранец, — голос Кейдена стал опасным шёпотом. — Иначе я сделаю это за тебя. И тебе не понравится, как.

Он развернулся и ушёл, его мантикора, бросив последний презрительный взгляд на Люцидора, последовала за ним.

Элора опустилась на колени, обхватив Люцидора за шею,

прижавшись лицом к его шерсти. Она дрожала. Теперь не от страха, а от ярости. Беспомощной, сжигающей ярости. Он был второгодником. У него была власть. И он выбрал её своей мишенью.

- Мы еще покажем им всем, — прошептала она в его шерсть.

Люцидор ответил тихим, согласным урчанием, и через связь пришло ощущение твёрдой скалы посреди бури. Он был её скалой. И она — его.

В последующие дни напряжение только росло. Кейден «рекомендовал» включить Элору в дополнительную ночную вахту у питомников — самое нелюбимое дежурство, где темнота и звуки спящих, но чутких зверей сводили с ума. Он «назначал» её для чистки самых агрессивных мантикор старших курсов — работу, которую обычно выполняли провинившиеся. Однажды, когда Элора с Люцидором впервые вышли на учебный лётный полигон — просто чтобы постоять на земле и привыкнуть к виду других пар в небе, — Кейден появился на своём Громовержце и пролетел над ними на опасно низкой высоте, подняв вихрь пыли и камней. Люцидор взъерошился и зарычал, а Элора едва удержалась на ногах.

Но были и светлые моменты. Торбин молча делился с ней своей порцией мяса в столовой, зная, что её тошнит от обычной каши. Лира научила её паре приёмов, как использовать её малый вес и скорость против более крупного противни-

ка в рукопашной. Финн тайком приносил ей чистые бинты и мазь для синяков, а однажды всучил ей маленький, холодный камешек.

- Говорят, гасит фоновую магию, — шепнул он. — Не сильно, но хоть что-то. Носи в кармане.

Камешек действительно немного притуплял боль. Это была капля доброты в море жестокости.

А ещё были полёты. Вернее, подготовка к ним. Первый раз, когда инструктор разрешил ей взобраться на спину Люцидора и пристегнуться к боевому седлу, её охватил восторг, перекрывающий всё. Она сидела на нём, чувствуя под собой мощные мышцы, слыша, как бьётся его огромное сердце. Он обернул голову, посмотрел на неё одним зелёным глазом, и в их связь хлынуло волнение. Он хотел летать. Он рвался в небо.

О Скоро, — пообещала она ему, глядя шею. — Скоро.

Именно после одной из таких тренировок, когда она возвращалась в казарму, усталая, но счастливая, её догнал Финн. Его лицо было необычно серьёзным.

- Лора, — сказал он, оглядываясь. — Тебе нужно кое-что знать. О Кейдене.

- Что ещё? — вздохнула Элора.

- Он не просто самодур. У него... есть причина. Год назад, во время учебного рейда за Стену, погиб его старший брат. Наездник. Его убила не виверна. Его мантикора, с которой была установлена прочная связь, внезапно сошла с ума

в полёте. Сбросила его и разбилась сама. В отчётах написали «магический сбой неизвестной этиологии». Но ходят слухи... что в той мантикоре нашли следы чужой магии. Как в ране твоего Люцидора.

Элора почувствовала, как земля уходит из-под ног.

- И что... он считает, что Люцидор...

- Он считает, что всё, что связано с «чужой» магией, — угроза. И он намерен эту угрозу устранить. Любыми средствами. Будь осторожна. Он не остановится перед нарушением правил.

Финн исчез в сумерках так же быстро, как и появился.

Элора осталась стоять одна на холодном ветру. Теперь всё встало на свои места. Холодная ненависть Кейдена. Его пристальное внимание. Это была не просто неприязнь к слабому. Это была охота. Охота на потенциального носителя той же заразы, что, как он верил, убила его брата.

Она посмотрела в сторону питомников, где в своей нише ждал её Люцидор. Изгой. С чужой магией в ране. И она, принцесса Элеонора, с магической хрупкостью, связавшая с ним свою судьбу.

Они были двумя изгоями в цитадели силы. И теперь у них был враг, который не просто презирал их, а хотел их уничтожить, чтобы защитить свой идеальный, жестокий мир от любого намёка на уродство и чуждость.

Элора сжала кулаки. Хорошо. Если это война, то так тому и быть. Она выжила при дворе, полном ядовитых интриг.

Она прошла испытания, где смерть ходила по пятам. Она научилась сражаться кинжалами в тишине и темноте. Кейден с его холодной яростью был просто новой, более опасной версией старого врага.

«Пусть попробует», — подумала она, направляясь к казарме. В её походке, обычно такой осторожной, появилась новая твёрдость. Она была больше не просто Лорой из Ольховых хуторов. Она была Элорой, наездницей Люцидора. И у неё были крылья. И скоро она научится ими пользоваться не только для полёта, но и для удара.

Начните чтение очередной книги литмоба. Ольга Росса
"Верея. Пламя дракона"
<https://litnet.com/shrt/JD7g>

Глава 7

Первый месяц в Академии был похож на бег по кругу с постоянно ускоряющимся темпом. Подъём затемно, умывание ледяной водой, скудный завтрак, который приходилось заглатывать за пять минут, а потом — занятия. График был выверен до минуты, а лень или опоздание карались дополнительными дежурствами, лишением пайка или, что было страшнее, «особой заботой» инструкторов, вроде Кейдена.

Лекционный зал для предмета «Сердце Зверя» был расположен в старой, круглой башне с высоким сводчатым потолком, расписанным фресками, изображавшими эпические воздушные битвы. Воздух здесь пах старым пергаментом, мелом и слабым, но постоянным ароматом лекарственных трав (видимо, от чучел и скелетов, стоящих в нишах). Сегодня на кафедре стоял не обычный сухопарый лектор-архивариус, а сам начальник медицинской службы Академии — седовласый, суровый Хейвен с руками, покрытыми тонкими шрамами от когтей и зубов.

Элора сидела с краю, рядом с Лирой. Рогар и его приятели заняли места в центре, демонстративно развалившись на стульях. Кейден, как старший помощник, стоял у стены в тени. Его ледяной взгляд периодически скользил по аудитории, задерживаясь на Элоре дольше, чем на ком-либо.

- Сегодня мы не будем говорить о костях и мускулах, —

начал Хейвен, его голос был низким и хриплым, как скрип несмазанных ворот. — Сегодня мы поговорим о том, что отличает простого солдата от наездника «Грозы Небес». О магии Зверодуха. О том, что откроется в вас в ближайшие дни, недели или месяцы.

В зале повисла напряжённая тишина. Это была та самая тайна, о которой все шептались. Источник их будущей силы.

- Связь с мантикорой — это не просто договор о взаимопомощи, — продолжал Хейвен, медленно прохаживаясь по аудитории. — Это симбиоз на уровне души, крови и, что важнее всего, магического резонанса. Мантикора делится с вами своей силой, своей яростью, своей жизненной силой. А вы... вы делитесь с ней своим разумом, своей волей, своей человеческой магической искрой, какой бы малой она ни была. Вместе вы создаёте нечто третье. Уникальное. Вашу общую способность.

Он подошёл к доске и нарисовал мелом две переплетающиеся спирали.

- Этот процесс непредсказуем. Способности зависят от множества факторов: от личности наездника, от характера мантикоры, от силы вашей связи, даже от того, как прошло клеймление. Есть общие категории. Усиление — когда ваши физические параметры (сила, скорость, выносливость) возрастают в разы, пока вы в контакте. Щит — способность создавать магический барьер, защищающий вас и вашего зверя. Гнев — умение впасть в ярость, которая передаётся

мантикоре, усиливая её атаки.

Он сделал паузу, и его взгляд стал тяжёлым, как свинец.

- Но есть и другие. Редкие. Опасные. Те, что Академия и Протекторат либо засекречивают, либо... ликвидируют.

В зале кто-то сглотнул. Элора почувствовала, как по спине пробежал холодок. Люцидор, дремавший в питомнике, через связь послал ей волну беспокойства.

- Какие? — спросил кто-то с задних рядов.

- Искажение реальности, — тихо сказал Хейвен. — Способность влиять на восприятие противника, создавать иллюзии. Крайне нестабильная магия, ведёт к помешательству и наездника, и зверя. Поглощение магии — умение высасывать магическую силу из других существ или артефактов. Считается ересью, ибо нарушает естественный порядок. И самое опасное... Резонанс Скорби. Способность чувствовать и усиливать боль, страх, отчаяние в других, доводя их до безумия или смерти. Это оружие массового поражения, запрещённое всеми договорами после Раскола. Обладатели таких дарований и их мантикоры подлежат немедленной казни через обезглавливание и сожжение, дабы пресечь заразу.

Тишина стала гробовой. Даже Рогар перестал ерзать.

- Как понять, что открылось что-то... не то? — спросила тихо Лира.

Хейвен посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то вроде жалости.

- Вы поймёте. Это будет как новый орган чувств, о кото-

ром вы не подозревали. Или как голод, который невозможно утолить. Контроль — вот ключ. И бдительность. Если вы заподозрите неладное в себе или в своём товарище — вы обязаны доложить. Мгновенно. Молчание в этом деле — предательство. И карается так же сурово.

В этот момент Кейден оторвался от стены.

- Вопрос, мастер Хейвен. А если способность открылась у того, чья связь изначально считается... аномальной? У кого мантикора уже носит в себе следы чужеродной магии?

Все взгляды, как по команде, устремились на Элору. Она почувствовала, как горит лицо, а в висках застучал знакомый, тонкий звон. Хейвен нахмурился.

- Что вы имеете в виду, кадет Кейден?

- Новобранец Лора и её особь. В ране зверя были обнаружены следы магии, не свойственной нашим землям. Не является ли это благодатной почвой для появления запрещённых способностей?

Хейвен посмотрел на Элору, его взгляд стал пристальным, изучающим.

- Любая связь уникальна, кадет. Аномалия — не приговор. Но... наблюдение усилено. Это верно.

- Я ничего не чувствую, — выпалила Элора, ненавидя дрожь в своём голосе. — Ничего, кроме связи с Люцидором.

- Пока, — холодно парировал Кейден. — Но мы будем наблюдать.

Оставшуюся часть лекции Элора почти не слышала. Сло-

ва «казнь», «зараза», «чужеродная магия» гудели у неё в голове. Она машинально записывала за лектором, но строки в её блокноте плясали. Что, если у неё и правда откроется что-то ужасное? Что, если эта странная чувствительность к боли других, которую она всегда списывала на свою хрупкость, и есть начало «Резонанса Скорби»? Она украдкой посмотрела на свои руки. Они дрожали.

Если лекции были пыткой для разума, то занятия в зале «Стальные Мышцы» были адом для тела. Это было огромное, душное помещение с земляным полом, покрытым потёртыми матами, пропахшее потом, пылью и кровью. Здесь новобранцев ломали, чтобы потом собрать заново уже воинами.

Сегодняшняя тема была «Обезоруживание и нейтрализация противника в ближнем бою». Инструктор, громила по прозвищу Бык, с шеей толще головы, объяснял приёмы на своём подручном, который после каждого броска вставал всё более помятым.

- Ваша мантикора — ваша главная сила, — орал Бык, — но если вас сбросили, если вы остались один на один с врагом — вы всё ещё солдат! И вы должны драться! Зубами, если надо! Парни, в пары!

Элора, как обычно, оказалась последней, на кого пал выбор. Её партнёром стал рослый, молчаливый новобранец по имени Гарт, который смотрел на неё с нескрываемым сожа-

лением. Он явно не хотел ей вредить.

- Не жалеёй её, Гарт! — рявкнул Бык, заметив это. — В бою враг жалеть не будет! Атакуй!

Гарт нехотя сделал выпад, имитируя удар мечом. Элора, отрабатывая приём, должна была войти защиту, схватить за руку и провести бросок. Она сделала всё по инструкции, но её сил не хватило. Вместо того чтобы упасть, Гарт лишь пошатнулся, а потом, инстинктивно пытаясь удержать равновесие, толкнул её. Элора отлетела на маты, ударившись плечом.

- Слабо! — проревел Бык. — Лора, ты что, из пуха сделана? Встать! Ещё раз!

Они повторили приём ещё раз, и ещё. С каждым разом Гарт, подгоняемый криками инструктора, действовал жёстче. На пятый раз Элора, измотанная, ошиблась в движении, и Гарт, уже не сдерживаясь, провёл свой, не учебный бросок. Она тяжело рухнула на маты, воздух вырвался из лёгких с хрипом.

Из соседней пары донёсся сдержанный смешок. Рогар, который легко укладывал своего партнёра, бросил на неё насмешливый взгляд.

- Может, тебе на кухню податься, а не тут маты пачкать?

Элора, кашляя, поднялась. Глаза её горели от унижения и ярости. Она чувствовала, как через связь от Люцидора, который, видимо, почуял её боль, приходит волна беспокойства и глухого гнева. Она мысленно послала ему успокаивающий

импульс: «Всё в порядке». Но это была ложь.

- Лора, к оружию! — скомандовал Бык. — Покажи, что можешь хоть чем-то пользоваться.

Её подвели к стойке с тренировочным оружием — деревянными мечами, палками, булавами. И тут, в самом углу, она увидела их. Парные тренировочные кинжалы, обтянутые кожей, с утяжелёнными рукоятями. Её оружие.

Она взяла их. И мир вокруг изменился. Вес в ладонях был правильным, знакомым. Деревянные клинки стали продолжением её рук. Дрожь от унижения утихла, сменившись холодной, фокусированной яростью.

- Кто против меня? — спросила она, и её голос прозвучал твёрже, чем когда-либо.

Рогар усмехнулся.

- Давай, мышка. Покажи свои коготки.

Он взял деревянный длинный меч и занял стойку. Бык кивнул, давая добро.

Рогар атаковал первым — размашисто, мощно, рассчитывая сбить её с ног одним ударом. Элора не стала блокировать. Она отскочила, лёгкая как тень, и её кинжал чиркнул по его предплечью — учебный, но болезненный удар. Рогар взвыл от не столько боли, сколько от возмущения. Он бросился вперёд, занося меч для удара сверху. Элора снова не приняла удар. Она проскользнула под его рукой, оказалась у него за спиной, и второй кинжал упёрся ему в почку.

- Мёртв, — тихо сказала она.

Рогар замер, красный от ярости. В зале повисла тишина.

- Удачно увернулась! — проревел он, отскакивая. — Но давай по-настоящему!

Он снова бросился в атаку, но теперь его движения были грубыми, неконтролируемыми от злости. Элора парировала, уворачивалась, её кинжалы мелькали, как крылья стрекозы, оставляя на его руках и боках красные полосы от ударов. Она не пыталась победить силой. Она изматывала. Она использовала его же массу и ярость против него. В конце концов, Рогар, разъярённый, сделал слишком широкий замах, потерял равновесие, и Элора подставила ему подножку. Противник рухнул на маты, а её тренировочный кинжал лег на его горло.

Тишина стала оглушительной. Даже Бык смотрел, приоткрыв рот.

- Мёртв, — повторила Элора, отступая и опуская оружие. Рогар вскочил, его лицо было искажено бешенством.

- Это нечестно! Она... она ведьма какая-то!

- Заткнись, Рогар, — рявкнул Бык, но в его голосе звучало скорее уважение. — Она использовала то, что имеет: скорость и голову. Лора... откуда ты это знаешь?

- Я... тренировалась, — смущённо пробормотала Элора, снова чувствуя на себе все взгляды. Но теперь это были не взгляды насмешки, а удивления и, в некоторых случаях, опаски.

- Вижу, — сказал Бык. — Ладно, все, достаточно на се-

годня. Лора, с тобой... стоит поговорить отдельно. О твоей специализации.

Элора кивнула, возвращая кинжалы на стойку. Её руки дрожали уже от адреналина, а не от слабости. Она поймала взгляд Кейдена, стоявшего у входа. Он не аплодировал. Не улыбался. Он просто смотрел. Его ледяные глаза вычисляли, анализировали, раскладывали её движения по полочкам. И в них не было ни капли одобрения. Только холодный интерес хищника, который обнаружил, что его добыча может кушаться.

Кабинет картографии был оазисом тишины и спокойствия после адского шума зала поединков. Здесь пахло древесным лаком, чернилами и старой бумагой. Стены были заставлены шкафами с туго скрученными свитками, а в центре стоял огромный стол с рельефной картой всего Солнечного Протектората и прилегающих к Стене земель, выполненной из полированного дерева и инкрустированной полудрагоценными камнями.

Преподаватель, магистр Элбон, был полной противоположностью Быку — маленький, сухонький старичок в очках, который говорил тихо, но каждое его слово было на вес золота.

- Истинный наездник, — шептал он, водя указкой по карте, — видит небо не как пустоту. Он видит дороги. Воздушные потоки, зоны турбулентности у горных хребтов, магнит-

ные аномалии у Стены... Это ваш холст. И вы должны знать его лучше, чем ладони своих рук. Потому что одна ошибка в расчёте, одна неверно выбранная высота — и вы труп, а ваш зверь — бесхозная тварь.

Элора сидела, стараясь вникнуть в слова, но её голова всё ещё гудела от пережитого в зале. К тому же, здесь, в кабинете, на стене висели несколько магических карт, светящихся мягким синим светом. Их свечение, хоть и слабое, щекотало её магическую чувствительность, вызывая лёгкую тошноту.

- Сегодня мы разберем северо-восточный сектор, — сказал Элбон, указывая на участок карты у самой Стены Скверны. — Самый опасный. Здесь Стена нестабильна, бывают выбросы дикой магии. Здесь же чаще всего фиксируются пролёты виверн. Запомните каждую гору, каждую речную долину. Это ваше потенциальное поле боя.

Он раздал им листы с контурными картами и велел нанести по памяти ключевые ориентиры. Элора взяла перо, но её рука дрожала. Она посмотрела на сложную сеть гор, ущелий, значков, обозначающих магические аномалии. Всё смешалось.

- Проблемы, новобранец? — раздался тихий голос рядом. Это был Кейден. Он подошёл так бесшумно, что она не услышала.

- Нет, сэр, — солгала она, пытаясь вывести первую линию.

- Позвольте мне усомниться. Твои успехи в тактике и истории оставляют желать лучшего. И я сомневаюсь, что

твой... питомец... обладает врождённым чувством направления.

Элора стиснула зубы, чувствуя, как по щекам разливается жар.

- Люцидор прекрасно ориентируется в пространстве.

- В пределах питомника, возможно. Но в небе, под огнём, в тумане? — Кейден наклонился ближе, и его холодное дыхание коснулось её уха. — Я проверю твои карты в конце занятия. И если они будут неудовлетворительны, ты будешь перерисовывать карту всего сектора. В одиночку. Ночью. Понятно?

Он не ждал ответа, отошёл, чтобы поиздеваться над кем-то ещё.

Элора смотрела на чистый лист, и отчаяние подступало к горлу. Она не могла запомнить всё это. Она не...

И тут в её сознании вспыхнуло ощущение пространства. Глубины. Высоты. Чувство, что где-то там, далеко, есть холодная, колючая стена из бушующей энергии. И тёплые островки жизни. И тропы воздушных потоков, которые она могла бы почувствовать кожей, если бы летела.

Это было не её воспоминание. Это было чувство Люцидора. Через их связь, пока она отчаянно пыталась визуализировать карту, он, дремавший в питомнике, поделился с ней своим врождённым, звериным пониманием пространства, географии, ветра.

Её рука дрогнула, и затем перо понеслось по бумаге само,

будто ведомое невидимой силой. Она не думала. Она чувствовала. Линии горных хребтов ложились точно. Значки аномалий ставились туда, где она внутренне ощущала «колющее» пятно. Она закончила свою карту первой, и когда подняла глаза, то увидела, что магистр Элбон смотрит на неё через стол с нескрываемым изумлением.

- Лора? Ты... ты закончила?

- Да, магистр.

Он подошёл, взял её лист, сверяясь с оригиналом на столе. Его брови поползли вверх.

- Это... идеально. Более чем идеально. Ты отметила даже сезонное смещение термаликов над Ущельем Стенаний, о котором я ещё не говорил. Как ты это сделала?

Элора растерялась.

- Я... я просто представила, как бы это выглядело с воздуха.

- Интуиция? — старик посмотрел на неё поверх очков. — Или что-то ещё? Твоя связь... она даёт тебе доступ к его инстинктам? К его чувству земли и неба? Это... редкий дар. Очень редкий.

Он говорил негромко, но его слова слышал Кейден. Он подошёл и выхватил карту из рук Элбона. Его ледяные глаза пробежались по линиям, и в них вспыхнуло что-то острое, подозрительное.

- Идеальное знание местности, — прошептал он. — Знание, которого нет в учебниках. Почти как если бы она уже

летала там. Или... как если бы кто-то летавший там, поделился с ней памятью.

Его взгляд впился в Элору.

- Что ты скрываешь, новобранец?

- Ничего, сэр, — сказала Элора, но её голос дрогнул. Она чувствовала, как Люцидор в питомнике насторожился, уловив её страх. — Это просто... само получилось.

- Ничего не «получается» просто так, — отрезал Кейден. — Особенно у таких, как ты. Я занесу это в твоё личное дело. Как потенциальную аномалию.

Он вернул карту Элбону и вышел из кабинета, оставив после себя ледяную тишину.

Элора сидела, глядя в стол, чувствуя, как её маленькая победа превращается в новое оружие в руках её врага. Её способность, её связь с Люцидором — всё, что делало её сильнее, — тут же использовалось против неё.

Магистр Элбон положил ей на плечо костлявую руку.

- Не обращай внимания, дитя, — тихо сказал он. — Ревность и страх — плохие советчики. Твой дар... он может быть благословением. Но будь осторожна. Не показывай его слишком явно. Не все здесь готовы принять что-то... выходящее за рамки.

Элора кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Когда занятие закончилось, она вышла последней. Вечерний воздух был холодным и свежим. Она подняла голову к небу, где первые звёзды прокалывали синеву. Где-то там, за Стенами

Академии, был огромный, опасный мир. А здесь, внутри, её мир сузился до постоянной борьбы: с уроками, с насмешками, с болью собственного тела и с холодной, неустанной ненавистью Кейдена.

Но у неё был Люцидор. И странный, пугающий дар, который помог ей на картографии. Что бы это ни было, это было их частью. Их общей силой. И их общей тайной.

Следующая книга литмода от Эми Эванс "Уроки выживания для благородной леди" <https://litnet.com/shrt/B-69>

Глава 8

Месяц пролетел в вихре боли, истощения и крошечных побед. Тело Элоры, измученное тренировками, начало меняться. Мышцы, хоть и не сравнимые с буграми на плечах Рогара, стали упругими и отзывчивыми. Ладони покрылись жёсткими мозолями от щёток, верёвок и рукояти кинжалов. Но самое главное изменение происходило внутри — там, где пульсировала связь с Люцидором. Она стала плотнее, глубже, как вросший в душу корень. Теперь она не просто чувствовала его настроение, она улавливала смутные образы, ощущения: вкус сырого мяса из утренней порции, тепло солнечного пятна на полу клетки, глухую, постоянную тоску по небу.

Люцидор преобразился ещё заметнее. Из худого, раненого подростка с тусклой шерстью он превратился в юного, но уже могучего зверя. Его мускулы играли под песчаной шкурой, отливавшей в свете факелов холодным стальным блеском. Даже шрам на боку превратился в узорчатый рубец, похожий на молнию. Но главное — его крылья. Подбитое крыло зажило, сустав выправился, хотя и остался менее гибким, чем второй. Перепонки натянулись, крепкие и жилистые. Когда он расправлял их в ограниченном пространстве ниши, воздух наполнялся глухим, мощным шорохом, а сама Элора чувствовала прилив странной, чужой силы и предвку-

шение полёта.

И вот день настал. Первый полёт.

Лётное поле находилось на самой высокой точке скалы, где крепостные стены сходились, образуя обширную каменную площадку, устремлённую в бездну. С одной стороны открывался вид на долины Протектората, с другой — на зловещий туман каньона и далёкую, мерцающую линию Стены Скверны. Ветер здесь был постоянным хозяином — сильным, холодным, несущим запахи сосны, снега и свободы.

Новобранцев построили в шеренгу. Рядом с каждым стояла его мантикора. Элора, положив руку на шею Люцидору, чувствовала, как всё его огромное тело вибрирует от возбуждения. Его зелёные глаза были прикованы к пропасти. Через связь лился мощный, чистый поток — жажда. Не голод, не ярость. Именно жажда подняться, оттолкнуться от земли, ощутить воздух под крыльями.

Инструктором по лётной подготовке была женщина лет тридцати пяти с короткими, седыми у висков волосами и лицом, покрытым сеточкой мелких шрамов от осколков льда или песка. Её звали Скай. Говорили, что она провела в седле больше часов, чем на земле. Её мантикора, изумрудно-чёрная громадина по имени НоктюРН, сидела позади неё, абсолютно неподвижно, словно вырезанная из обсидиана.

- Месяц вы слушали, как воздух проходит над крылом, — начала Скай, её голос резал ветер, не повышая тона. — Месяц вы учили сигналы, смотрели, как это делают другие. Тео-

рия закончилась. Сегодня вы познаете истину. Ваша связь, ваш дух, ваша воля — всё это ничего, если вы не можете подняться в небо и вернуться живыми.

Она обвела взглядом шеренгу, её взгляд, острый как бритва, задержался на Люцидоре и Элоре чуть дольше. Кейден, как и всегда, стоял чуть в стороне в роли наблюдающего, его лицо было каменным.

- Первый полёт — самый опасный, — продолжала Скай. — Не потому что вы не умеете летать. А потому что вы не знаете, на что способны вместе. Связь в полёте усиливается многократно. Открываются каналы. Проявляются дары. У некоторых это происходит тихо. У других... с фейерверком. Контролируйте себя. Контролируйте зверя. Ваша задача сегодня проста: взлететь, сделать три круга над полигоном на минимальной высоте и приземлиться. Всё. Кто срежется со строя, упадёт или запаникует — отправится чистить выгребные ямы питомников до конца учёбы. Понятно?

- Так точно! — рявкнули новобранцы.

- По местам.

Элора подошла к Люцидору. Боевое седло, уже подогнанное под неё, лежало на его спине. Оно было сложной конструкцией из кожи и металла, с креплениями для ног, страховочными стропами и кольцами для оружия. Она проверила застёжки, как учили, потом взглянула ему в глаза.

Готов?

В ответ через связь хлынула такая волна нетерпения и

уверенности, что у неё перехватило дыхание. Он наклонился, позволяя ей взобраться. Элора вставила ноги в стремяна, затянула поясной ремень, пристегнула карабин страховки к кольцу на мундире. Сидя в седле, на высоте, она вдруг ощутила головокружение от осознания. Она сидела на мантикоре. Своей мантикоре.

Рядом Рогар уже восседал на Ирис. Золотоглазая мантикора била крылом о крыло, её песочная шкура блестела. Рогар ловил взгляд Элоры и ехидно ухмылялся.

- Держись крепче, мышка. А то твой калека споткнётся на взлёте.

Элора проигнорировала его. Она сконцентрировалась на Люцидоре, на ощущении его мышц под собой, на ритме его дыхания. Она мысленно проговорила команды, которым их учили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.